МОНИКА
МЕРФИ
НЕ РАЗЛУЧАЙТЕ НАС
18+
«Персонажи прописаны так реалистично, что читателю приходится переживать вместе с ними каждую эмоцию».
ROMANTIC TIMES BOOK REVIEWS

Моника Мерфи

Не разлучайте нас

Серия «#NewRomance»

Серия «Никогда», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40911035
Не разлучайте нас: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-104772-6

Аннотация

ИТАН

Просто безумие! Одного взгляда на Кэти Уэттс оказалось достаточно, чтобы перенести меня на восемь лет назад, и вот… мне снова пятнадцать и я опять рискую всем ради нее. Возможно, это будет стоить мне жизни. Теперь она выросла и решила поведать миру свою историю. Нашу историю… Она зовет меня ангелом-хранителем. Конечно, я поставил на карту все, но она, черт возьми, того стоила. Мне нужно найти ее… просто, чтобы убедиться, что она в порядке. Но что я буду делать, если мы сблизимся, и Кэти узнает, кто я на самом деле?..

КЭТРИН

Восемь лет назад это происшествие разделило мою жизнь на ДО и ПОСЛЕ, буквально уничтожив меня. С тех пор в сердце осталась зияющая дыра, и эту пустоту ничем не заполнить. Я

боюсь своих воспоминаний, и каждый день веду неравную борьбу со своим прошлым, которое, увы, не изменишь. Я искалечена, разбита, отгородилась от окружающего мира и не желаю впускать кого-либо в свою жизнь. Тем необычнее, что я вовсе не против этого парня, который так неожиданно ворвался в мою жизнь. Но что будет, если он узнает о моем прошлом?..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 112

Моника Мерфи
Не разлучайте нас

Copyright © 2016 FOUR YEARS LATER by Monica Murphy. Все права защищены.
© А. Ландихова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его.
Пс 90:4

Предисловие автора

В этой книге речь пойдет о довольно сложном предмете. Долгое время он представлял для меня живой интерес. Еще в юности я прочитала много основанных на реальных событиях криминальных романов. (Энн Рул в этом смысле – непревзойденная писательница, и ее будет очень не хватать.) Часами я смотрела документальный сериал о работе криминалистов Forensic Files и в какой-то момент даже решила, что канал Investigation Discovery придумали специально для меня.

Убийцы, особенно серийные, завораживали меня. Зачем они это делают? Неужели это болезнь, которая заставляет их с такой надменностью и беспечностью снова и снова совершать ужасные преступления? Как, вообще, можно стать настолько безумным, безнадежным, чтобы убивать из чистого интереса? Или похищать детей для удовлетворения какой-то своей ненормальной потребности?

Я этого не понимаю. И вряд ли хочу понять. Но меня это завораживает. Так что, когда я сказала издателю, что у меня появилась идея «необычного» любовного романа, и стала объяснять, в чем она заключатся, вместо того, чтобы ответить мне: «Ты больная извращенка. Конечно же, нет», она ответила: «Мне нравится». И хотя, может быть, это означает, что мы обе больные извращенки, я все-таки надеюсь, что это не так.

Мне хотелось рассказать об отношениях двух людей, связанных чем-то особенным, уникальным, не понятным никому, кроме них самих. Для этого я сделала так, что оба эти человека пострадали от рук одного и того же чудовища.

Моя книга рассказывает об изнасиловании ребенка, я хочу, чтобы это было ясно с самого начала. Если подобные вещи выводят вас из душевного равновесия, пожалуйста, не читайте. Я никак не пыталась приукрасить эту тему и очень старалась подать ее как можно более чутко и деликатно. Благодаря историям, рассказанным Элизабет Смарт, Джейси Дугард, Мишель Найт, я изнутри посмотрела на то, ка-

ково это выжить после похищения. Они невероятно смелые девушки. И то, что они на весь мир поделились своими историями, делает их героями в моих глазах.

Также хочется упомянуть Национальный центр помощи пропавшим и пострадавшим детям. Каждый день там трудятся люди, которые помогают искать пропавших детей, заботятся о безопасности наших детей, ограждают их от зла.

Надеюсь, вам понравится история Итана и Кэтрин. Если вы посочувствуете их страданиям, то поймете, что, хотя их любовь и не совсем обычная, она – искренняя и настоящая. Любовь дает им надежду, когда все кажется безнадежным. Пока я писала роман, они постоянно разбивали мне сердце. Поодиночке они чувствуют себя глубоко надломленными. Но все обретает смысл, когда они вместе.

И, на мой взгляд, это самый лучший любовный сюжет.

Моника.

Кэтрин

Сейчас

От жарких ослепительных ламп я ощущаю, как маленькие капельки пота выступают на лбу вдоль линии волос. Но трогать лицо нельзя. Это испортит макияж, который мне тщательно накладывали последние полчаса, поэтому я остав-

ляю голову в покое и крепко сжимаю руки. Ледяные пальцы лежат в горячих ладонях. Вполне понятный контраст, если учесть, что я сейчас чувствую.

Тревогу. Волнение. Ужас. Бессмысленность. То, что я делаю, кажется бессмысленным, особенно моей семье.

Я собираюсь выступить перед камерой. Собираюсь все рассказать.

Наконец-то.

Ведущую этого шоу я вижу по телевизору, сколько себя помню. Известный репортер. Кто же ее не знает. Выглядит очень ухоженной, как диктор из новостей: блондинка с идеальной укладкой и ярко накрашенными голубыми глазами. Нежные тени подчеркивают худые скулы, а на губах – сочная помада. Она профи и точно знает, что ей нужно. Это видно по тому, как она распоряжается, как быстро бросаются исполнять ее поручения сотрудники телестудии. Она сильна. Уверенна в себе. Безупречна.

И это возвращает меня к мысли, что я совсем не безупречна. Все мои недостатки, как в насмешку, выпирают упреком в несовершенстве. Был момент в моей жизни, когда я приблизилась к идеалу, потому что была глупой и считала себя неуязвимой. Но достичь идеала не просто. И если упустишь его из виду, никогда больше не вернешь.

Никогда.

– Вы готовы, Кэтрин? – спрашивает телеведущая спокойным голосом. Подняв глаза, я встречаю ее сочувствующий

взгляд.

Уязвленное самолюбие разом отрезвляет меня, и я выпрямляюсь, пытаясь совладать с выражением лица. Ее жалость мне не нужна. Я так долго носила в себе чувство пустоты, так долго не могла найти в себе ни капли отваги, чтобы решиться на… все это, что теперь, когда наконец стала достаточно сильной, должна держаться.

Мне пришлось ждать восемь лет, пришлось пережить смерть отца, и вот я здесь.

– Я готова, – уверенно киваю в ответ.

Краем уха слышу, как мама что-то бормочет Бренне. Я стараюсь не смотреть на них, потому что слишком боюсь, что моя сила испарится. Они тоже пришли, потому что я попросила их поддержать меня. Но что-то подсказывает, что зря. Не хотелось бы услышать мамины рыдания, когда буду пытаться говорить. Не хотелось бы видеть слезы и ужас в их глазах, когда буду ворошить все эти страшные и печальные детали моей истории.

Довольно уже пролито слез над трагедией, изменившей мою жизнь. Я должна ликовать, что жива, а не прятаться в тени. Я так долго не имела права говорить, что сейчас чувствовала… освобождение. Да, несмотря на кошмар, о котором вот-вот узнают все, мне легко. Я свободна. С первого дня моего возвращения папа запретил нам рассказывать. В частности мне. Он был слишком растерян, слишком стыдился того, что не сумел защитить свою дочь.

Однажды он произнес эти слова, когда сильно поссорился с мамой, вскоре после того, как *это* случилось. Они думали, что я спокойно сплю в своей постели, но я проснулась от их ругани, да и не могла я тогда крепко спать. Мне все еще тяжело. Но тот случай так и стоит у меня перед глазами. Он засел в моей памяти навсегда. Отчаяние в папином голосе – вот, что подняло меня с кровати. Это и еще мое имя, которое они повторяли снова и снова, по мере того как нарастал накал скандала.

Я выскользнула из кровати и с колотящимся сердцем прокралась по коридору. В прихожей я прижалась к стене и стала слушать, не в силах двинуться с места, осознав, что они не просто говорят обо мне. Я была причиной их ссоры.

– Ты не можешь держать ее взаперти, – говорила мама. – Из нас двоих гиперопекой ее мучила я, но мне кажется… Нет, я уверена, что ты слишком далеко зашел.

– Лиз, я не сумел ее защитить! Я не сумел защитить нашу маленькую девочку, и теперь уже ничего не исправишь.

Но он мог бы исправить, если бы просто принял меня. Обнял, как обнимал мою старшую сестру Бренну, с обожанием и без чувства вины. Если бы стыд и унижение не наполняли его взгляд, когда он смотрел на меня, как будто я стала позорной и горькой ошибкой, когда вернулась домой. Из папиной дочки я превратилась в неприкасаемую, и все из-за тех дней.

Меня это больно ранило. И сейчас ранит. Прошло уже

шесть месяцев, как отца не стало.

– В любой момент запись можно остановить, если вам понадобится прийти в себя. – Ведущая подбадривает меня вкрадчивым тоном профессионала, а я улыбаюсь, киваю и думаю, что это как раз будет лишним.

Мне нужно выговориться, и я не хочу останавливаться, не хочу приходить сюда еще раз. Мне нужно вывалить все, что у меня на душе.

Больше всего на свете я жажду, чтобы запись не останавливалась.

Вышло много репортажей о том, что со мной случилось. Документальные фильмы о моем деле появлялись один за другим. Сняли два телефильма и целую кучу детективных реалити-шоу. Восемь лет назад, когда меня только нашли, мое лицо появилось на обложке журнала *People*. Я была в серой футболке с длинными рукавами и в серых штанах, размера на два больше, которые мне дала женщина-полицейский. Когда меня вывели из участка, я посмотрела в камеру, и в моих широко открытых глазах были слезы. Меня отвезли на обследование в больницу.

От жуткого воспоминания по спине пробегает дрожь.

Журнал я сохранила и спрятала в коробку. Это была, так сказать, моя минута славы. Не знаю, зачем я это сделала. Приятных воспоминаний там точно нет.

И все же это я и моя жизнь, которую не изменить, даже несмотря на то, как этого хотят те, кто меня любит.

Теперь в редакции *People* снова изъявили желание встретиться со мной, особенно когда узнали об интервью. Опять хотят поместить меня на обложку, но я пока не дала согласия. И вряд ли дам. Издателям надо, чтобы я написала книгу о том, что пережила, но и это я тоже, скорее всего, не буду делать, а расскажу все один раз, с начала и до конца. Обычно интервью длится один час, но меня заверили, что, если будет нужно, дадут мне целых два часа эфирного времени.

Рейтинг упадет, но это не мое дело. Думаю, мне понадобится два часа. Я хочу о многом рассказать. Это мое время. Мой момент истины. А потом я больше ни с кем не буду говорить об Аароне Уильяме Монро.

Кэти

Тогда

Когда мы вышли из отеля, сквозь дымку туманных разводов наконец показалось солнце. Его яркие лучи ластились к рукам, припекали волосы и лицо по дороге к океану, и я пожалела, что надела красную толстовку с принтом «Спасатель», которую мама купила вчера в сувенирной лавке. Я так выпрашивала ее, с мольбой заглядывая маме в глаза и заламывая руки. Она нехотя согласилась, хоть и ворчала насчет цены.

При всей моей любви к этой сногсшибательной красной

толстовке, она сидела довольно мешковато, а если бы я затянула ее поясом, выглядело бы глупо.

Но я не могла не надеть ее.

Небо было потрясающе синим, как бывает только на картинах. Дул прохладный ветерок, принося с собой свежесть тихоокеанских волн. От тумана и близости воды воздух наполнился влагой и приятно остужал лицо под палящим солнцем. Меня охватила чистая беззаботная радость, какой я раньше никогда не испытывала.

Это ощущение невинного счастья навсегда покинуло меня в тот день.

Когда мы дошли до набережной, толпа там была просто невообразимой, хотя аттракционы только-только включили. Я сразу оживилась и готова была на все, лишь бы папа и мама отпустили нас погулять одних.

– Бренна все время уходит сама с друзьями! – Я ныла, прося отпустить меня, ведь я большая и справлюсь, но все это звучало очень по-детски.

– Потому, что мне пятнадцать и я не хнычу, как ребенок! – снисходительно сказала Бренна, оглянувшись на свою подругу Эмили, и обе прыснули со смеху. Иногда я ненавидела Бренну. Эмили я тоже не очень любила. Они все время поучали меня, заставляя чувствовать себя дурой.

Моя лучшая подруга, Сара, тоже бросила на них свирепый взгляд. Не хватало еще, чтобы Бренна своими замечаниями расстроила все, чего мы так ждем: самим гулять по парку ат-

тракционов, а не таскаться вслед за мамой и папой весь день. В следующем месяце нам с Сарой исполнялось тринадцать, с разницей в шесть дней. Мы обе мечтали попробовать на вкус свободу.

– У Сары есть с собой телефон, – продолжала я, умоляюще заглядывая папе в глаза. Он колебался, в его взгляде мелькало сомнение, и я поспешила ухватиться за это. – Каждый час мы будем созваниваться, клянусь!

– Не знаю…

Рискнув взглянуть на маму, я заметила, что ей эта идея совсем не нравится. Но не мне ее нужно было убеждать, а папу.

– Ну пожалуйста! Если хотите, будем встречаться каждые два часа? Вместе пойдем обедать. Сейчас только десять часов утра. Встретимся в двенадцать вон там. – Я указала на столики ближайшего кафе. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Мы будем хорошо себя вести, – торжественно произнесла Сара с таким серьезным лицом, что я чуть не расхохоталась.

Но сдержалась. Теперь, когда мы так близки к победе, это стало бы провалом.

– С незнакомыми людьми не разговаривать, – сказал папа, указывая на нас обеих. Я видела, что он уже готов согласиться. Все-таки он был тряпкой. – И с набережной никуда, даже на берег. Мое сердце затрепетало от восторга. Он по-

чти согласился.

– Правда, Джим? – В мамином голосе звучало удивление, но я не обратила на это внимания. Я отлично научилась не слышать ее за последнее время. Мы не ладили. Она все время указывала мне, что делать. Это так достало. Я готова была на все, лишь бы стать независимой от нее, идти своей дорогой. Что она понимала в моей жизни? Все настолько изменилось, с тех пор как она была девочкой, и была уверена, что она не имеет ни малейшего представления о чем-либо.

– Ох, да ладно, Лиз. Все с ней будет в порядке, – успокоил ее папа и лучезарно улыбнулся мне. – Иногда ведь надо ее отпускать?

Мама вздохнула, и мне послышалась в ее тоне усталость. Почему она такая напряженная в последнее время? У них отпуск, у нас каникулы, пора ей уже расслабиться.

– Позвоните мне в пол-одиннадцатого и скажите, где вы.

Пол-одиннадцатого? Это было меньше, чем через тридцать минут. Вот, что я имею в виду, говоря о стремлении к независимости.

– Ладно, – согласилась я, делая вид, что расстроена, хотя внутри у меня все прыгало от радости. Судя по тому, как Сара переминалась с ноги на ногу, она чувствовала то же самое.

Мы с подругой удивительно понимали друг друга. И тут же бросились вместе бежать, пока родители не передумали.

– Не говорите с незнакомцами, – крикнул папа нам вслед,

а мы рассмеялись.

– Только с хорошенькими, – пробормотала Сара, и это рассмешило ее еще больше.

Я промолчала. Моя лучшая подруга под конец учебного года помешалась на мальчиках, и это ее безумие никак не проходило. Ей нужен был бойфренд. Срочно.

Мне же было все равно. Никто из одноклассников меня не интересовал. Многих из них я знала с младшей школы, некоторых даже дольше, потому что ходила с ними в детский сад. Меня они раздражали.

Целоваться с ними?

Фу!

– Пожалуйста, только не надо весь день флиртовать и тусоваться с мальчиками, – сказала я, потому что мне… ну, просто не хотелось всего этого. Только не сегодня. Ведь это был наш день. Наш единственный шанс погулять одним. Мы могли на чем угодно кататься, могли купить себе что-то вкусное, вообще могли делать все, что нам заблагорассудится. На наших запястьях висели зеленые неоновые браслеты, с которыми разрешалось кататься сколько угодно на любом аттракционе. Вот об этом-то мы и мечтали.

Мне вовсе не хотелось тратить время на старшеклассников, которые бы наверняка посмеялись, узнав, что нам по двенадцать лет. Я выглядела на свои двенадцать, в отличие от Сары.

Она выглядела старше.

– Не будь такой занудой. – Сара не прогадала, надев не свитер, а футболку. И ее она тоже сейчас сняла, оставшись только в коротком ярко-розовом топе. У Сары была грудь, я же была довольно плоской, но совсем не завидовала ей. Совершенно.

– Да, нет… Я только… Сегодня мне наплевать на мальчиков. Я собираюсь веселиться. – Я улыбнулась ей, и она улыбнулась мне в ответ.

– Мы повеселимся, это уж точно. Но мальчики нам совсем не помешают в этом. Ты просто еще не поняла. – Она свернула футболку и затолкала ее в свою маленькую сумочку. – А теперь давай пойдем на колесо обозрения.

– Ты серьезно? – нахмурилась я. Как тупо.

– Мы начнем с малого, – ответила она с дьявольской улыбкой, – а большое оставим на потом. – Она указала на громадные американские горки, белый силуэт которых вырисовывался впереди. В этот самый момент по горкам пронесся состав вагонеток. Люди в них визжали, хватались руками за воздух, волосы развевались на ветру.

От этого зрелища в груди радостно билось сердце. Я больше не могла ждать.

Кэтрин

Сейчас

– И что было дальше?

Голос ведущей выдергивает меня из моих мыслей. Я так давно не вспоминала все это, что сама потерялась в воспоминаниях. Людей обычно интересует то, самое плохое, что со мной произошло. Я хорошо понимаю, почему это всем интересно. Любопытно, что он сделал со мной. Где и как долго держал, приковав, как собаку. Как надел мне повязку на глаза, чтобы я ничего не видела. И как мне стало страшно, когда он первый раз ее снял, так, что я описалась. По его взгляду мне стало совершенно понятно, что он собирается со мной делать.

То есть мне, конечно, не было понятно, потому что мое сексуальное воспитание не выходило за рамки нескольких подростковых книжек с безобидными сценами секса. Да еще были эти гадкие школьные фильмы о наступлении месячных, гормонах и обо всем таком.

– Тем утром мне было весело, – отвечаю я и чувствую, как тяжелеет язык. Ведь мне действительно было весело в тот день. Как раз поэтому вспоминать все это и горько, и сладко. То, как мы хохотали и дурачились с Сарой, вызывает улыбку. Но в то же время мне больно, потому, что над безмятежной радостью нависает беда. – В полдень мы встретились с родителями, как и обещали. Я взяла себе сосиску в кукурузном тесте.

В уме всплывают детали, немного туманные, но чем больше я говорю, тем явственнее они становятся. Помню, как

чайки, спикировав, садились на стол, за которым мы ели. Как последний кусок сосиски упал на землю, и наглая бело-серая птица налетела на него прежде, чем я успела его поднять.

Не то чтобы я стала есть с земли, но все же.

Ведущая улыбается, и я уверена, лишь для того, чтобы приободрить меня:

– Вы провели прекрасный день с семьей и лучшей подругой.

– Да. – Я киваю и невольно думаю о Саре. Наши дороги разошлись после всего, что случилось. Она больше не могла находиться рядом со мной, ей было неловко. Однажды, когда мы рыдали, в который раз задаваясь вопросом, почему не можем дружить, как раньше, она выболтнула, что ей неловко. Сказала и поджала губы, как будто пытаясь вернуть слова обратно.

Но поздно. Слово не воробей. Сказала, что чувствовала себя виноватой за то, что не смогла защитить меня. По-моему, это полная чушь, но я не стала с ней спорить.

В старших классах мы были уже совсем чужими. Она даже не смотрела в мою сторону, проходя мимо по коридору на перемене. Ходили слухи, что она говорит про меня гадости, я даже не знаю, правда ли это.

Потом я уехала и больше ее не видела.

– Вы до сих пор общаетесь с Сарой? – спрашивает телеведущая, как будто смогла прочитать мои мысли. Вот это интуиция, мне следует быть настороже. Похоже, ей легко вы-

ведать даже то, о чем человек и не собирался рассказывать.

– Нет, – выпаливаю я на одном дыхании. На самом деле я тяжело переживала расставание с лучшей подругой, хуже мне было только без папиной любви. Теперь я близка с мамой. Бренна стала моей новой лучшей подругой, хоть в это и трудно поверить. Я до сих пор доверяю только ей.

Но это потому, что других друзей у меня нет. Новых я к себе не подпустила. Старые бросили меня. Или я их бросила.

Теперь уже непонятно, кто был первый.

– Может, она не смогла справиться с чувством вины после того, что произошло? Как думаете, она винила себя, когда вы исчезли?

– Нет. Я не знаю, – выпаливаю я поспешно, как бы защищаясь. По неопытности. Я обещала себе, что буду спокойна и собрана, а журналистка по имени Лиза обещала не задавать мне неловких вопросов на опережение, пока я сама не расскажу.

Видимо, ей кажется, что неловкие вопросы связаны с Аароном Уильямом Монро, а не с давно потерянной лучшей подругой.

Теперь Лиза смотрит на меня так, словно видит меня насквозь. А я запираю себя на засовы, плотно сжимаю губы, так что ни одно лишнее слово больше не сорвется у меня с языка. За все эти годы, я придумала много механизмов защиты. Это один из них.

– Расскажите, что случилось после обеда, – предлагает

Лиза.

Я делаю глубокий вдох и, задержав дыхание, думаю, с чего бы начать.

Вот тут уже становится непросто.

Итан

Сейчас

Впервые за много-много лет я слышу ее имя и останавливаюсь, как вкопанный, вполоборота к телевизору, который висит на стене моей тесной гостиной, и вглядываюсь в экран. В спешке пытаюсь нашарить очки и, обнаружив их в полуметре от себя на кухонном столе, тотчас надеваю.

Картинка фокусируется, и у меня падает челюсть.

«*На этой неделе, впервые за восемь лет, на канале «Новостей» в гостях у Лизы Суонсон Кэтрин Уэттс, пережившая похищение, рассказывает о своих мучительных испытаниях*».

Вытаращив глаза и не в силах двинуться с места, я смотрю, как на экране телевизора появляется лицо Кэтрин. Ее волосы слегка потемнели, но по-прежнему золотисто-медового цвета. Она выглядит старше, что вполне логично, ведь прошло, черт возьми, восемь лет, о чем только что сказали по телевизору, – и за эти восемь лет многое изменилось.

Многое.

– Тем утром мне было весело. – Ее нежный голос разносится по всей комнате, звенит у меня в ушах. И помещение начинает кружиться у меня перед глазами. Ее голос такой же, но все же другой, старше.

Ей было весело, еще бы. Набережная с аттракционами – отличное место, когда тебе двенадцать. Я тоже любил там гулять. И сейчас люблю.

Но мне, в отличие от нее, воспоминания не испортили это место.

– Он был такой милый, по началу, – продолжает она, опускает глаза, закусив нижнюю губу, и замолкает. Похоже, она не так уж и изменилась за эти восемь лет, по крайней мере, у нее остались те же ужимки.

Запинается, говорит неуверенно.

Я вглядываюсь в нее, упиваюсь ее голосом, новым, но все таким же знакомым. Ток проходит по моим пальцам. В ней столько силы. Она говорит четко, сдержанно, взвешивая каждое слово. Она хорошенькая: длинные светлые волосы, большие голубые глаза и губы…

Я прикрываю веки, пытаясь сглотнуть ком в горле. Воспоминания внезапно вспыхивают перед глазами одно за другим и прожигают меня огнем. Я хватаюсь за край стола. Непрошенные воспоминания. Много лет назад я выбросил их из своей головы. Долго боролся с демонами, но наконец победил их. Я хочу забыть о тех днях. Забыть даже тот факт, что все это имело место.

И вот теперь вижу ее, слышу ее слова и снова становлюсь прошлым собой. Меня разрывает на части так сильно, что ноет в груди.

– С виду он казался безвредным? – спрашивает Лиза своим проникновенным голосом, от которого по коже мурашки. В свое время она так же спрашивала меня. Я был до смерти напуганным ребенком и не знал, что ответить.

Ненавижу Лизу Суонсон.

Картинка на экране меняется. Показывают фотографию Кэтрин, снятую в первые часы после возвращения. Она смотрит в камеру полными слез глазами – юное лицо переполнено страданием. На ней какие-то поношенные треники, а волосы собраны в замызганный хвостик. По бокам стоят полицейский в форме и женщина. Они отправляют ее в больницу.

Кэти. Когда я вижу ее такой, воспоминания одно за другим захлестывают меня. Каждое слово, каждое обещание. Я чувствую, как подкашиваются ноги, и крепче сжимаю край кухонного стола.

Нельзя бояться, Кэти. Надо быть сильной. Пойдем со мной.

Что если он найдет нас? Что он с нами сделает?

Он ничего тебе не сделает. Я не дам ему причинить тебе вред.

Обещаешь?

Обещаю.

– Он когда-нибудь пытался связаться с вами?

На экране снова Лиза, прищуренный взгляд, наклон головы, она – вся внимание. Как будто ей есть до этого дело.

Я хмыкаю и качаю головой. Конечно, ей есть дело до денег и рейтинга. До того, как бы урвать еще одно хорошее интервью.

Даже не верится, что Кэтрин с ней говорит.

Кэти.

Моя Кэти.

Я так давно не называл ее по имени, что сами слова звучат незнакомо.

Но она была моей Кэти. Крохотный промежуток времени я заботился о ней, отвечал за ее безопасность. Она называла меня своим ангелом-хранителем. И хотя глубоко внутри я в это не верил, мне нравилось, что она так говорит, что думает обо мне хорошее, доброе.

Я просто сделал то, что было правильно, без колебаний. Сделал то, что должен был. Я не мог позволить ему держать ее. Он же мог…

Даже думать не хочу, что бы он сделал с ней.

Я не просто был ее ангелом-хранителем – она называла меня героем. Сказала мне это, когда мы подошли к полицейскому участку. Ее слова до сих пор звучат у меня в ушах.

Ты спас меня от него. Ты мой герой. Ты как ангел с небес.

Я не верю в Бога и ангелов. Но в этот момент мне очень захотелось поверить.

– Связаться со мной? Нет. – Кэти решительно качает головой. – Никогда.

– Правда? – Лиза вопросительно приподнимает бровь, и на экране появляется новая фотография. Это письмо. Я узнаю почерк и так сильно впиваюсь пальцами в край стола, что кажется, он того и гляди раскрошится в моей ладони.

Следующим кадром я вижу удивленную Кэти с открытым ртом. По выражению ее лица понимаю, что она видит что-то ужасное.

Это легко считывается.

И тут на экране возникает черно-белая фотография. Лицо мужчины с упрямо выпирающей челюстью, губы сжаты в тонкую линию, пустые темные глаза. Вид у него бесстрастный, волосы сбриты под ноль, и могу поклясться, что сбоку на шее у него татуировка. Ну конечно.

В конце концов он – в тюрьме. Должно быть, ему пришлось как-то приспособиться к тамошней жизни, чтобы не оказаться подвешенным за свой член.

Растлителю. Насильнику. Убийце.

Моему отцу.

Уилл

Тогда

– Зайди, – рявкнул он из своей спальни, присовокупив к

этому угрозы. Я замер – он снова пьян. В последнее время он все время был пьян и обычно не обращал на меня ни малейшего внимания. Но не сегодня.

Черт.

Я поплелся в его спальню, морщась от отвратительных запахов, тут же ударивших мне в нос. Не могу описать, чем там пахло. Всем сразу: плесенью, затхлостью, по`том, спиртным, сексом.

– Ты где был? – прозвучал вопрос, когда я остановился перед его кроватью. Он лежал, развалившись, в одних довольно грязных белых шортах. Черные волосы на груди резко выделялись на бледной коже. Он давно не брился, и щетина на лице торчала во все стороны.

Выглядел он как чокнутый.

– В школе. – Я старался смотреть куда угодно, только не на него. Видеть его мне было невыносимо. Человек, который, по его собственным словам, раньше хоть что-то из себя представлял, превратился лишь в неприглядную оболочку.

Сам я никогда не видел его другим, но что, вообще, я мог знать? Глупый, невежественный пятнадцатилетний мальчишка. Опять же, с его слов.

– Чертов лжец, – выругался он снова. – Говори мне правду.

– Я был в школе, – повторил я. – На занятии по футболу.

Я с головой окунулся в спорт и учебу, лишь бы только не приходить домой подольше. И не иметь с ним дела.

Бо`льшую часть времени ему было совершенно наплевать, где я и чем занят. Поэтому сейчас я не мог понять, к чему весь этот спектакль.

От внезапно подкравшегося дурного предчувствия мороз пополз по коже.

Он чего-то от меня хотел, но я не понимал, чего.

– Летом? Занятия по футболу? – произнес он деланно и пискляво, передразнивая меня и подражая голосу девчонки. Вот придурок. – Думаешь, ты такой крутой, играешь в футбол и баскетбол и весь этот ваш чертов спорт? Думаешь, все девчонки будут твои с такой харей?

Я промолчал, закрыв рот на замок. Да что он, вообще, знает?! Скажи я что-то не то, и он бы мне врезал. Со стороны можно было подумать, что он лениво раскорячился на кровати, но при необходимости этот мужик становился очень ловким.

Мне ли не знать – я не раз получал неожиданные затрещины.

– У меня новая подружка, – сказал он, внезапно меняя тему разговора. – Хочу тебя с ней познакомить.

Я наконец встретился с ним взглядом и то, что я увидел, мне не понравилось. Его черные, как у дьявола, глаза горели в предвкушении. А на губах играла отвратительная усмешка.

– Когда? – насторожился я.

– Прямо сейчас, – объявил он. И в ту же секунду дверь примыкающей к спальне ванной комнаты распахнулась, и от-

туда на меня шагнула, подбоченившись, женщина в одном черном белье.

Я уставился на нее. У ее рта уже залегли едва заметные складки, а во взгляде была тяжесть, такая же, как и в глазах отца. У нее были светлые, почти рыжие, выжженные кончики волос. Бледная кожа имела пепельно-серый оттенок.

Она казалась мертвой.

– Привет, – произнесла она грубым прокуренным голосом, как будто за всю жизнь выкурила не меньше миллиона сигарет. Хотя, кто знает, быть может и так. От нее исходил легкий запах табака. Я тут же его почувствовал, ведь и сам курил украдкой по несколько штук в день.

Мой единственный грех.

– Я – Сэмми. – Она протянула мне руку с острозаточенными, розовыми, как кинжалы, ногтями. – Ты, должно быть, Уилли.

Я свирепо взглянул на отца. Это уменьшительно-ласкательное имя я не выносил.

– Уилл, – поправил я ее и быстро отдернул пожатую руку, будто на ней могла оказаться какая-нибудь зараза. Кстати, не исключено. – Теперь я могу уйти?

– Нет. – Он улыбнулся и рукой указал ей место на матрасе возле себя. – Иди сюда, конфетка.

Всех своих девушек он называл конфетками. Интересно, понимала ли это тупая Сэмми? По тому, с какой готовностью и хихиканьем она прыгнула к нему, я заключил, что, по-ви-

димому, нет.

– Ну как, Уилли, нравится тебе моя новая конфетка? – Он прижал женщину к себе, от чего она снова хихикнула. – Правда, сладкая?

Нет. Гадкая. Она походила на старую уличную шлюху и, похоже, сидела на мете, крэке или на какой-то еще чертовой гадости, и он этим пользовался. Он и сам баловался всем этим дерьмом. Правда, иногда все же приводил себя в порядок и выглядел очень круто. Причесавшись, побрившись, приняв душ и одевшись, как нормальный человека, мой отец становился весьма симпатичным парнем.

Впрочем, сегодня был другой случай. Сейчас он скользил по наклонной в черную яму своей души. Теперь я уже понимал, чего он от меня хочет. Он и раньше заставлял меня это делать. Когда я был еще слишком слабым и маленьким, чтобы ему противиться.

Ну уж нет. Теперь я стал сильнее. Занятия спортом закалили меня, сколько раз уже мне влетало на футбольном поле и во дворе. Если захочу, смогу надрать ему задницу. Мы одного роста. Может, я даже выше этого придурка на пару сантиметров. Ну вот что он сделает?

Мне хотелось, чтобы он меня боялся, как я раньше боялся его.

– Сядь вон там, Уилли. – Он махнул рукой на потертый стул салатового цвета, который стоял в углу его спальни. Считалось, что это стул моей матери.

Единственное свидетельство того, что она вообще существовала. Фотографий ее не осталось. Он всех их порвал или сжег. Уничтожил все воспоминания о ней.

– Не называй меня так, – процедил я сквозь стиснутые зубы. Даже само имя это я ненавидел. Ведь оно принадлежало ему: Аарону Уильяму. А я – Уильям Аарон. Черт, как же невыносимо быть его тезкой, хоть наши имена и стоят в обратном порядке.

Когда-нибудь я собирался его сменить и взять себе новое, которое бы принадлежало только мне. И не имело отношения к нему.

– Уилли, – завыла Сэмми, по-волчьи задрав голову. Папа засмеялся и опрокинул ее на спину. На секунду он припал к ее рту, придерживая за грудь. Поднявшись он снова уставился на меня:

– Сядь на стул.

– Иди к черту, – ответил я.

– Сядь на чертов стул, – приказал он низким угрожающим тоном.

– Давай, Уилли. Он просто хочет, чтобы ты посмотрел. Он сказал, что ты любишь смотреть, – и Сэмми хихикнула, когда он ущипнул ее за сосок, чтобы она заткнулась. Но она не затыкалась. Наоборот, стала гоготать, как ведьма, и ему пришлось прижать ее сверху и закрыть ей рот рукой. Под его ладонью она завизжала. А когда звук затих, я воспользовался паузой.

– Иди к черту, – огрызнулся я и бросился вон по узкому коридору в свою комнату, с треском захлопнув за собой дверь. Затем повернул ключ в замке и упал на кровать. Сердце бешено колотилось в груди, в ушах звенело, я ничего не слышал.

Некоторое время просто смотрел на дверную ручку, ожидая, что она начнет дергаться, что он станет колотить в дверь и требовать, чтобы я ему открыл. Он делал так раньше бессчетное множество раз. Когда я был младше, он хватал меня за шею, тащил в свою комнату и усаживал на тот стул.

И заставлял смотреть.

Внутри у меня все кипело. Я со всей силы вцепился в свою подушку. Я ненавидел его, ненавидел свою мать за то, что она оставила меня с ним. Почему она не взяла меня с собой? Слезы выступили в уголках глаз, но я смахнул их, не желая плакать. Хватит, настало время стать жестче. Я уже слишком взрослый, чтобы распускать нюни.

Три года. Осталось три года. Когда я окончу школу и убегу. Если не смогу поступить в колледж, то пойду в армию. На флот. Найду себе занятие по душе, что угодно, лишь бы выбраться отсюда. Я не боялся того, что ждет меня за пределами отчего дома.

Зато чертовски боялся того, что со мной будет, если я в нем останусь.

Я лежал на кровати довольно долго, вцепившись в край подушки, чувствуя напряжение во всем теле, в каждом му-

скуле. Такое сильное, что любое движение отдавалось болью.

Наконец позволил себе расслабиться и закрыть глаза.

Он не пришел под дверь.

И больше никогда не приказывал мне смотреть.

Кэтрин

Сейчас

Ты будешь смотреть?

Я смотрю на сообщение от сестры, и пальцы в сомнении замирают над кнопками. Как мне ответить? Если она будет напрашиваться, мне придется ей отказать. Она не нужна мне сегодня вечером. Мне никто не нужен.

А ты?

Я посылаю сообщение и жду ответа. Я прячусь, опасаясь реакции СМИ. Сегодня вечером, после эфира, моя жизнь может круто измениться. Так уже было однажды. Нам пришлось отбиваться от тысяч предложений, отвечать всем подряд, что мы не хотим говорить.

Это послужило поводом для огромного числа разных версий того, что якобы произошло. Например я сбежала из дома или сама напросилась. Хотела быть с ним, стать его секс-

рабыней. Сделала это для того, чтобы сбежать от строгих родителей. Не хотела жить. Просто была угрюмым подростком и отправилась на поиски счастья. Конченая шлюха, и сама все заслужила. Грязная сука, которой нравилось сосать член.

Вся эта омерзительная ложь говорилась и распускалась обо мне в интернете. На YouTube есть видеоролики с якобы моими признаниями. Однажды я включила один и тут же выключила. До сих пор помню, что в нем говорилось.

Шлюха. Соблазнительница. Специально оделась так, чтобы его привлечь. Трахалась с ним потому, что сама хотела. Молчала после освобождения, потому что знает, что виновата. Есть что скрывать. Наркоманка, шалава, потаскуха и подружка его сынка, которую они между собой делили.

Многие считали меня виновной в случившемся лишь потому, что я выжила. Сама захотела, чтобы меня среди бела дня похитил серийный убийца и сделал своей игрушкой.

Звонит телефон, и я читаю СМС от Бренны.

На самом деле я не хочу смотреть. Мне хватило того, что я слышала на интервью.

Неужели? Я уже собираюсь ответить, как приходит второе СМС.

Звонила мама предложила нам всем собраться сегодня. Я сказала, что сначала спрошу у тебя.

М-м, нет, я не хочу сегодня встречаться с мамой. Она будет плакать и пытаться меня успокоить. Мы это уже проходили. Я сыграла свою роль. Теперь хочу посмотреть на себя со стороны. Увидеть со стороны, как держусь. Лиза клялась и божилась, что я выйду положительной героиней. Что не буду выглядеть плохо, ведь я – жертва.

Пришлось поправить ее, сказав, что я не жертва, а та, которая выжила. И это большая разница.

Просто огромная.

Я хочу посмотреть шоу одна. Скажи маме спасибо, но мне нужно увидеть все самой.

Я послала текст быстрее, чем поняла, что делаю, и стала ждать ответа.

Мои родители так и не переехали. Мама живет в доме, в котором прошло мое детство. А Бренна снимает квартиру неподалеку со своим бойфрендом Майком. Она учительница младших классов в той самой школе, в которой училась я. Это никак не укладывается у меня в голове: моя вредная и заносчивая сестра каждый день учит восьмилеток и сама этому рада.

Я живу в часе езды к югу от бывшего дома, в маленьком городке, неподалеку от места, где меня похитили. Мой дом примерно на одинаковом расстоянии от обоих этих мест. Не

знаю, почему меня это успокаивает. Да и не люблю я глубоко копаться в причинах.

Учитывая все обстоятельства, сейчас я легла на дно. Специально все продумала, чтобы меня не нашли. И довольна. Так лучше.

А если учесть анонсы на новостном канале, в которых крупным планом показывают его письмо…. Я не знала о нем (спасибо маме, что сохранила все это в тайне), поэтому ужас на моем лице неподдельный. А вслед за этим – кадр с его фотографией. Слава богу, я предприняла все эти меры предосторожности.

Это был самый тяжелый момент интервью, помимо того, в котором я с пеной у рта защищаю мальчика, спасшего меня от этого зверя.

Спас меня от своего папы.

В моей руке звонит телефон, и я вздрагиваю так, что чуть не роняю его на пол. Взглянув на экран, вижу, что это мама.

Ну, отлично.

– Солнышко, ты уверена, что хочешь побыть одна? – Она переживает. Я слышу это, буквально чувствую через трубку ее волнение. – Что если ты расстроишься? Мне кажется, лучше, чтобы кто-то находился рядом. Мы хотим быть с тобой.

Под «мы» она имеет в виду себя и Бренну.

– Мам, я очень ценю вашу заботу, но я не хочу к вам ехать. – Голос звучит твердо, напряженно. Так я разговаривала с папой.

– Мы с Бренной могли бы приехать к тебе, – предлагает она.

– Мам, пожалуйста. – Я вздыхаю, прикрывая веки, стараюсь быть терпеливой. Не надо на нее злиться. Она желает мне только добра. – Я бы хотела все посмотреть одна. Если мне станет грустно или страшно, или что-то еще, я позвоню, обещаю.

– Ладно, – она печально вздыхает, – о'кей, я просто… хотела тебе помочь.

– Ты очень помогла.

– Твой папа… – но тут голос изменяет ей, и она вздыхает. Она скучает по папе. Как и Бренна. Они обе такие сентиментальные, им пока еще слишком больно о нем говорить. А я ничего не чувствую, потому что потеряла его очень-очень давно.

Молчу и жду, когда она продолжит:

– Возможно, он вел себя не так, как нам бы хотелось. Но знай, что он все равно любил тебя. И до, и после того, что произошло.

Мама защищает его, я понимаю, но это неправда. Может, он и любил меня, но уже не так. Ему казалось, что я испорчена. Перестала быть его маленькой девочкой. Женщина в теле ребенка.

Мне почти тринадцать…

Помню, я считала себя очень взрослой. Казалось, что сейчас я пересеку это волшебную грань между двенадцатью и

тринадцатью годами и превращусь в женщину с формами и грудью, и месячными и, может быть, даже… кто знает… с бойфрендом.

Но этого так и не произошло. Я морила себя голодом. Мне казалось, что я недостойна пищи. Недостойна жизни. Стала весить сорок килограммов. А месячные начались у меня только в шестнадцать лет. Бойфренд так и не появился. Выпускного бала не случилось. Я не ходила на дискотеки. Не было никакого футбола, вечеринок, ночевок с друзьями – ничего. Все это пугало меня. Я боялась мальчиков. Хуже того, я до смерти боялась мужчин. Особенно мужчин-учителей. Они все время изучающее смотрели на меня. Я чувствовала, как они буквально ощупывают меня взглядами. Ноги, далее вверх по бедрам, вдоль линии живота, вокруг груди.

Слезы непроизвольно брызнули у меня из глаз.

– М-м, спасибо, мам, я пойду. – Я вешаю трубку, не дав ей договорить, и аккуратно кладу телефон на диван позади себя. Слезы текут по щекам, их совершенно невозможно остановить.

Я не в порядке. Мне казалось, что я в порядке, но, конечно же, это не так.

Я надеялась, что, рассказав свою историю, раз и навсегда освободившись от нее, стану свободной, почувствую себя невинной. Последние восемь лет своей жизни я ощущала себя грязной развратной шлюхой – спасибо интернету за то, что эти мысли поселились у меня в голове. Теперь казалось

мне, я смою с себя всю грязь и снова стану прекрасной и чистой.

Но этого не случилось.

Меня изнасиловали в худшем из смыслов.

Изнасиловали мою душу.

Мои чувства.

И в свете этого физическое насилие отступает на второй план.

Итан

Сейчас

В нетерпении я сижу на краешке дивана и жду, когда начнется передача на новостном канале: с девяти до одиннадцати я буду смотреть на Кэти. Целых два часа. Буду чувствовать вину, буду чувствовать себя подлецом. Но, как бы то ни было, сгораю от нетерпения. И нервничаю.

Они не смогут не упомянуть обо мне. Я напрямую связан со всей историей. Ее историей. Буду ли я выглядеть отрицательным персонажем? Уверен, что да. Ненавижу Лизу Суонсон, и она меня тоже не жалует.

Когда-то давно огромным усилием воли я выбросил Кэти Уэттс из своей головы. Много лет не позволял я себе вспоминать о ней. Не имел права. Но теперь она вернулась и вновь заняла все мои мысли. Часами я сижу за ноутбуком и ищу

любую информацию о ней. Пытаюсь узнать, где она, что делает, кем стала.

К сожалению, я нашел немного. Она скрывается. Неудивительно. Хотя и не сменила имя, а лишь перешла на более формальное полное имя – Кэтрин. Она не закончила школу, во всяком случае вместе с другими. Ее сестра – учительница. У Бренны Уэттс есть аккаунт в «Фейсбуке». Причем с такими несерьезными настройками конфиденциальности, что я, как настоящий интернет-сталкер, обшарил его сверху до низу в поисках любых фотографий Кэти или хотя бы упоминаний о ней, или ссылок на ее профиль.

Но ничего подобного у Кэти в Сети нет. На страничке сестры о ней тоже мало упоминаний. Есть, правда, одно фото годичной давности с новоселья Бренны и ее туповатого бойфренда Майка. На снимке куча людей толпится в маленькой гостиной, все с поднятыми для камеры бокалами. Пьют в честь того, что Бренна и Майк стали жить вместе. Тот, кто снимал, должно быть, встал на стул или что-то вроде этого, потому что снимок сделан сверху.

Среди моря людей я разглядел ее: без бокала, со слабой улыбкой на лице. Волосы собраны в небрежный пучок на макушке, отдельные локоны упали на щеки, ясный взгляд. Она выглядит на фото…

Прекрасной.

Потерянной.

Печальной.

Одинокой.

Надломленной.

Я долго смотрел на нее, не в силах оторваться. Потом правой кнопкой мыши сохранил эту фотографию себе на диск. Чем я не сталкер? Что бы она сказала, попытайся я с ней связаться? Обрадовалась бы? Или шарахнулась от меня? Думает ли она, что я придурок, или все еще считает меня своим героем? Своим ангелом-хранителем?

Ты спас меня от него. Ты – мой герой.

Ее слова звенят у меня в ушах. До сих пор. Всегда. Они пронзают меня. Разбивают мне сердце, словно она до сих пор в нем.

Никогда его не покидала.

Я бросаю взгляд в телевизор и вижу, что предыдущее шоу закончилось. На экране появляется Лиза Суонсон со своим характерным фальшиво-искренним взглядом. Это выражение ее лица я бы назвал «серьезная стерва». Я подкручиваю громкость, так что теперь ее голос звучит на всю комнату, эхом отдаваясь в моей голове, в моих мыслях. И мне так хочется сказать ей, чтобы она заткнулась нафиг.

Но я молчу.

Приходится признать, что я буду смотреть это шоу, несмотря ни на что.

Кэти

Тогда

Письма приходили как по часам: появлялись в почтовом ящике раз в две недели. Обычно в четверг или в пятницу. Я всегда проверяла почту после школы; он об этом знал. Раньше мы писали друг другу по e-mail. Но это было как-то обезличенно. Я попросила его писать мне бумажные письма, и он согласился.

Мне так нравились эти весточки от руки: крупные буквы, смазанные чернила, напоминавшие о том, что он – левша, и проводит рукой по уже написанным словам. Смятые листы, по которым становилось понятно, что они вырваны из блокнота. Пометки на полях, такие глупые, что сразу вспоминалось, какой он еще мальчишка.

Я тоже была еще девчонкой. Мы были очень юными, хотя и не ощущали этого. Нам обоим пришлось очень быстро повзрослеть. Я думаю, именно поэтому мы так привязались друг к другу. Родственные души, пострадавшие от одного и того же человека.

Я открыла почтовый ящик, сгребла все, что там было, вытащила из пачки свое письмо и сунула его в карман кофты. Зайдя в дом, свалила остальные письма на кухонный стол и пробормотала «привет» в ответ на мамин оклик из комнаты.

Она не наседала на меня, не спрашивала, как прошел мой день. Только когда мы сели обедать, начался типичный теперь для нашей семьи неловкий разговор, который мама уже не первый раз пыталась поддерживать. Вечерняя трапеза в доме Уэттс превратилась во что-то невыносимое.

Я терпеть этого не могла. И Бренна тоже.

После ужина, с треском захлопнув дверь спальни и закрыв ее на ключ, я нырнула в кровать и достала письмо из кармана. Дрожащими пальцами разорвала конверт, сгорая от нетерпения узнать, что он пишет. Он мог написать, что все хорошо, а мог – что все плохо. Однажды он перестанет писать, и я старалась быть к этому готовой. Мы переписывались уже почти год. И все это время он был единственным человеком, с кем я могла разговаривать. В школе у меня больше не осталось друзей.

Только Уилл.

Я развернула письмо и стала жадно вчитываться в его содержание, закусив нижнюю губу:

Кэти,

ты спрашиваешь меня, как дела в интернате, и мне начинает казаться, будто ты беспокоишься обо мне. Я долго пытался не замечать этого твоего вопроса, но больше притворяться не могу. Мне тут ужасно. Здесь одни придурки. У меня крадут вещи, а на прошлой неделе я подрался с одним парнем. Я, конечно, надрал ему задницу, но и он мне поставил синяк под глазом. Меня наказали за то, что я начал драку. Но, во-первых,

я не начинал. А во-вторых, свои пятьдесят баксов, которые он украл, я так назад и не получил. С такими успехами я никогда не прорвусь, никогда не выберусь отсюда.

Я рассказывал, что бросил футбол? Мне пришлось бросить все внеклассные занятия и найти работу. Теперь у меня две подработки: одна официальная, а на второй мне платят из-под полы. Обе они дурацкие, но, по крайней мере, я зарабатываю деньги. Надо найти новое место, куда их прятать. Может, открыть банковский счет? Наверное, нужно попросить кого-то из взрослых, но это полное дерьмо. Получается, я могу сам работать и зарабатывать деньги, но не могу открыть себе сберегательный счет?

Впрочем, хватит мне жаловаться. Как у тебя дела? Как школа? Ты сдала экзамен по истории? Готов поспорить, что сдала. Ведь ты так много готовилась и думаешь об оценках. Как у тебя с папой? В прошлом письме ты писала, что Бренна стала с тобой очень милой. Неужели правда?

Хотел бы я увидеть тебя. Поговорить с тобой. Суд опять перенесли. Знаю, ты не хочешь говорить о нем, но, похоже, я смогу увидеть тебя только на суде. Это отстой, Кэти.

Понимаю, что нам нельзя встречаться. Родители не выпускают тебя из виду, и это, конечно, правильно. Им нужно оберегать тебя и знать, что ты в безопасности.

Раз уж я не могу быть рядом с тобой, то пусть

хоть они будут.

Пора идти на работу, поэтому извини, что так коротко. Знай, что я скучаю по тебе.

Уилл.

Я прочитала письмо два раза. В груди заныло. Ему через столько приходится проходить. Он такой несчастный. Тяжело работал, а все для чего? Чтобы кто-то украл его деньги? Разве это справедливо?

Но жизнь вообще несправедлива. Я знала это. И Уилл тоже. Только мы вдвоем по-настоящему понимали это.

По-настоящему понимали друг друга.

Кэтрин

Сейчас

Когда я увидела на экране телевизора свои старые фотографии, кадры с места преступления и видео из зала суда… ко мне вернулись давние воспоминания, все эти годы, запертые в самом темном уголке моей души. Они наконец-то вырвались наружу и нахлынули на меня, принеся с собой сильную мигрень.

Есть много историй про людей, переживших травмирующий опыт, когда их сознание защищается и стирает воспоминания. Девочку, с которой я ходила вместе в младшую школу, сбила машина. Ее буквально подбросило в воздух на

пятнадцать метров, и все, что она помнила из этого, было…

Ровным счетом ничего.

Как бы я хотела, чтобы мое сознание защитило меня от тяжелых воспоминаний. Как хотела бы, чтобы оно вычеркнуло из памяти все те дни. Но нет. Я делала все, что могла, чтобы их похоронить, а они по-прежнему здесь. Притаились и ждут, когда можно будет показаться, снова навестить меня.

Сегодня я думала о нем первый раз за… за все время. Не о нем – взрослом, ужасном преступнике.

О его сыне – Уильяме.

Уилле.

Во время интервью Лиза вдруг заговорила о нем. Спросила меня, общались ли мы после всего, что произошло.

Я ответила «нет».

Я солгала.

Первый раз он связался со мной почти сразу после освобождения. Он писал от руки, криво и поспешно, едва понятные каракули на линованной бумаге. В его словах были боль и тоска, пожелания и надежда, что мне стало лучше, и много извинений.

Совершенно искренних извинений, хотя он не был виноват. Наоборот, все сделал правильно, спас меня. В конверте лежал подарок: браслет-талисман с ангелом-хранителем.

Я долго носила его, чувствовала себя с ним в безопасности. Только так могла жить дальше. Мы переписывались. Сначала раз в неделю, потом пару раз в месяц. Иногда по

электронной почте. А когда у меня появился собственный мобильник, так осмелели, что отправляли СМС. В конце концов мама узнала об этой переписке и запретила мне разговаривать с Уиллом.

Она вычеркнула его из моей жизни, и я позволила ей сделать это. Слишком боялась ее ослушаться.

Браслет я не надевала многие годы. Все это время он хранился в шкатулке, надежно припрятанный среди других драгоценностей. Но в тот вечер, когда в эфир вышло интервью, я перерыла шкатулку и натянула браслет на руку. Снова и снова мои пальцы скользили по талисману, я хотела быть сильной, хотела быть храброй.

Услышав мой ответ на вопрос про Уилла, Лиза окинула меня недоверчивым взглядом. Но я и бровью не повела. Даже не моргнула. Выдержав паузу, она сообщила, что и ей о нем ничего неизвестно. Ведущая могла лишь предполагать, что он сменил имя, создал себе новый образ, новую жизнь и уехал.

Я очень надеялась, что так он и поступил. Другой вариант мне совсем не нравился. Что если Уилл, как отец, встал на путь преступлений? Что если бремя вины быть сыном такого ужасного человека оказалось ему не по силам? Что если… что если он покончил с жизнью и его больше нет в живых?

Я много лет думала о самоубийстве. Особенно поначалу, когда еще не знала, как побороть в себе эти мысли, которые неистово бушевали в моей голове.

Но я выстояла. И переплыла на другую сторону. А Уилл? Смог ли он выстоять?

Лиза едва упомянула о нем в интервью. А он заслуживал большего. Только благодаря ему я выжила. Кроме того, она не включила в программу целый фрагмент, где мы о нем говорим. Это меня очень расстроило.

Уилл не был моим врагом. Он помог мне. И плевать на все эти новостные порталы, которые намекали на то, что он был частью злодейского плана отца. Много раз его допрашивали из-за того, что он не привел меня в полицию раньше. Меня тоже допрашивали снова и снова по поводу его роли в этом деле.

Он приставал к вам?

Нет.

Он вас трогал?

Нет.

У вас был с ним секс?

Нет.

Он применял к вам силу? Был с вами жесток?

Нет и нет.

Казалось, полиция так и не удовлетворилась моими ответами.

Они не понимали, что он был всего лишь ребенком, как я. Мне было почти тринадцать, когда все случилось. Ему пятнадцать.

– Вполне взрослый, – пробормотал один коп себе под нос

во время первого допроса. – И не таких в тюрьму отправляли.

Все, на что они намекали, было неправдой. Он был моим героем.

Моим ангелом.

В ответ на его письмо и подарок я отправила открытку с благодарностями, подписанную красивым девичьим почерком. Послала ему и маленький подарок. Единственную вещь, которую могла себе позволить, учитывая, что была ребенком, а родители точно пришли бы в ярость, узнав, что я переписываюсь с сыном своего похитителя. И неважно, что он спас меня. Для них Уилл оставался врагом.

На середине интервью я бросила смотреть, взяла ноутбук и открыла Google. В результатах поисках не было ничего. Пожалуй, Лиза права. Должно быть, он сменил имя, личность и уехал куда-то подальше.

Интервью уже закончилось, а я все искала Уилла в Сети. Когда я наконец выпрямилась на стуле, болели спина и плечи. Взглянув на экран, я увидела, как улыбающийся ведущий ночного ток-шоу отпускает шуточки, и тут же выключила, не в силах вынести этот фальшивый смех зала.

Подделка. Все кажется подделкой. Ненастоящим. Вытянув перед собой руки, я скрестила пальцы и хрустнула суставами. И тут только заметила, что мои руки… дрожат.

Захлопнув ноутбук, вскочила со стула и стала беспокойно нарезать круги по моему небольшому дому. После интер-

вью мама прислала мне СМС, поинтересовавшись, все ли со мной хорошо, и я заверила ее, что в порядке. Видеть себя в телевизоре было… жутковато, но услышать свою историю со стороны стало облегчением. Я так долго держала эти слова в себе. Наконец отпустила их, и моя история теперь на воле.

Все могут видеть мой позор.

Поздно, я устала. Пора ложиться спать, и я совершаю свой стандартный ритуал: чищу зубы, умываюсь, расчесываю волосы и собираю их в небрежный пучок. Смотрю на свое отражение в зеркале. Неброские черты лица, светлые поблекшие волосы, бледно-голубые глаза.

Я как будто… пуста.

Безлика.

Я переодеваюсь в штаны и футболку, бросаю белье в корзину. Каждый вечер я делаю одно и то же, никогда не отклоняясь от заведенного распорядка. Люблю распорядок. Он дает мне чувство контроля над ситуацией.

Чувство безопасности.

Я забираюсь в кровать. Ставлю телефон на зарядку, проскальзываю под одеяло, а потом выключаю лампу на столике рядом с собой. В доме тихо. Пугающе тихо. Обычно мне это нравится. Мой дом стоит в самом конце глухого переулка, у самого края леса. Мама сказала, что это безумие жить в доме, за которым начинается лес.

– Она боится, что кто-то прячется в темноте, – сказала мне однажды Бренна, пытаясь превратить это в шутку. Но я

поняла, что мама и вправду боится.

– В темноте всегда кто-то прячется, – ответила я на это. – Если уж он пришел, то отыщет меня, неважно, где я и что я делаю.

Бренна сказала, что я больна. Так и есть. Я действительно больна. Чего мне еще бояться, если со своей смертью я уже раз встречалась? Я часто говорю себе, что должна жить на полную. А не прятаться в маленьком домике, придерживаясь безопасного распорядка, оправдывающего безликое существование.

Однако это непросто – ничего не бояться. Непросто поверить в свою силу. Восхищаюсь людьми, которые идут по жизни, не оглядываясь на других. Теми, кто делает, что хочет и когда хочет.

Я не могу себе этого позволить. Мне слишком страшно.

Пока что я здесь. Живу в своем доме, в глухом переулке, в тишине. По соседству с миссис Андерсон, которая иногда бывает назойливой, но я уверена, что она не со зла. Все это успокаивает меня.

Как успокаивает и мой распорядок.

Пока я лежу в темноте, мысли мои разбредаются, и я начинаю думать о Уилле. Вижу его – до смерти перепуганного пятнадцатилетнего мальчугана. Браслет так и висит на моей руке, и я то и дело провожу большим пальцем по талисману.

Наконец приходит сон, тяжелый, прерывистый. Почти каждый час я просыпаюсь. И только красные цифры будиль-

ника, который остался со мной еще со времен той, нормальной, Кэти, издевательски светятся в темноте. От некоторых вещей я никогда не избавлюсь. Например от этого дурацкого будильника.

Или от своих страхов.

Я представляю себе, что было бы, если бы я уехала. Если бы сбежала, как это сделал Уилл. Завидую ему, его свободе. Он смог сбросить кожу и притвориться чем-то другим. Кем-то другим. Даже если бы я сбежала и возникла бы с новым именем, новой жизнью, остатки прошлого все равно тянулись бы за мной вслед. Все равно были бы страх, тревога, тоска.

От них тяжело избавиться.

Впрочем, жить с ними не легче.

Уилл

Тогда

Я стоял перед дверью сарая, дрожа всем телом. Я оставил ее там. Вчера вечером я нашел ее, развернулся и ушел. Даже не знаю, как объяснить, почему я так сделал. Это плохо. Она просила меня не уходить.

Просила, но я все равно ушел.

Тошнота подступает к горлу. Я прикрыл глаза и стал глубоко дышать. Надо зайти вовнутрь. Возможно, она все еще

там, напугана до смерти. И я смогу ей помочь.

Но что если ее там нет? Что если она пропала? Что если он…

Нет. Я покачал головой, гоня от себя эту мысль. Она будет там. Она должна там быть.

Трясущимися руками я набрал на замке нужную комбинацию цифр и разомкнул его. Медленно приоткрыл дверь. Посреди полуденной тишины петли пронзительно взвизгнули, и, ничего не различая в темноте, я ступил внутрь сарая.

Внутри воняло. Я отогнал налетевших мух. Стоял, морщась и нагибаясь, чтобы не удариться головой, ждал, пока глаза свыкнутся с темнотой, станут различимы очертания разных предметов: кипы книг, вороха какой-то мебели.

Старый грязный матрац прямо на земле, и на нем свернувшаяся клубком девочка.

Я замер на месте. У меня закружилась голова, а дышать стало вдруг тяжело и больно. Я почти надеялся, что все это мне приснилось. Но она действительно была здесь. Колодками на щиколотках она была прикована к стене. Повязка исчезла, но рот по-прежнему был заклеен скотчем. Она лежала в позе эмбриона, низко опустив голову со спутанными на затылке волосами.

Черт, похоже меня сейчас вырвет. В глазах помутилось. Снова подступила тошнота, и я споткнулся обо что-то. От этого звука она тут же выпрямилась и, сощурившись, попыталась разглядеть меня. Из-под скотча раздался ее приглу-

шенный крик. Я сел рядом с ней на корточки и хотел погладить ее по волосам. Она отпрянула, и я тотчас отвел руку. Из глаз ее брызнули слезы, оставляя грязные потеки на лице. Она снова закричала, но из-за скотча крик был совсем не слышен.

– Я хочу помочь, – прошептал я, опустившись коленями на замызганный матрац. Она бросилась к стене, подальше от меня. Ее кандалы звякнули о деревянный пол. – Пожалуйста!

Я не мог поверить, что вижу это: буквально в паре шагов от дома, в сарае на полу сидела маленькая узница. Девочка была явно младше меня, у нее даже не было сисек, так что я дал бы ей одиннадцать, может, двенадцать лет. Никак не больше тринадцати.

– Ты должна мне верить. – Я глубоко вздохнул, собираясь с мыслями, чтобы сказать все правильно. С чего она будет мне верить, если я уже однажды оставил ее здесь одну? – Давай я сниму скотч.

Она снова вскрикнула, еще громче, и яростно замотала головой, разметав в стороны волосы. Затем подняла руку и угрожающе направила на меня свой палец, как клинок направляют в сердце.

Вина, вот что я почувствовал. Она винила меня в том, что я ее оставил.

Я не мог ей возразить, потому что действительно так поступил. Но что мне было делать? Я был ошарашен, не верил

в то, что я видел.

– Позволь мне загладить вину, – прошептал я, придвигаясь ближе. Она взглянула на меня настороженно, а слезы все катились градом по ее щекам. Полоска скотча закрывала рот, всю нижнюю половину лица. – Я сниму скотч. Мы сможем поговорить.

Когда я увидел ее в первый раз, мы почти не разговаривали. Я был в шоке, не знал, что мне делать.

Сегодня я хотел все сделать правильно.

Я медленно, сантиметр за сантиметром, придвигался к ней, как укротитель подходит к дикому зверю. При этом все время говорил, тихонько утешал и подбадривал ее. Она сидела у стены, вся дрожа, и не сводила с меня пристального взгляда.

Наконец я оказался рядом. Протянул руку и дотронулся пальцем до скотча. Она отклонилась, но не более того, и я решил, что это хороший знак.

– Будет больно, – пробормотал я. – Мне придется его сорвать. Лучше в эту сторону.

И прежде, чем она успела сказать мне, согласна она или нет, одним резким движением сорвал пленку с ее лица. В ту же секунду сарай огласили ее неожиданно громкие рыдания, и она бросилась на меня, с цепью на запястьях, такой же, как та, что была у нее на ногах. Я поймал ее в объятья, а она лепетала, прижав ко мне вплотную свое лицо:

– Пожалуйста, уведи меня отсюда. Мне нужно найти па-

пу и маму. Сестру. Мою подругу. Пожалуйста, уведи меня в безопасное место. Пожалуйста. Пожалуйста. Я сделаю все, что хочешь. Они заплатят. Я обещаю.

Она стала плакать, я обнял ее за талию и прижал поближе, неловко похлопывая по спине. Я не знал, что еще можно сделать, как ее утешить. А она ничего не говорила. Просто плакала на моем плече. Футболка пропиталась ее слезами. А от звука ее плача мне самому делалось больно. Что-то ныло в груди, жгло в глазах и в горле. Никогда раньше я не испытывал столько чувств, столько страха. Никогда раньше я не ощущал такого волнения. Рыдания, немного приглушенные моим плечом, сотрясали ее худое дрожащее тело.

Что мой отец сделал с ней?

Я боялся даже представить.

– Мы уйдем отсюда. – Я робко пригладил ладонью ей волосы. Мне казалось, это ее успокоит. – Сегодня, попозже.

Она откинулась назад с пугающим выражением лица. Это выражение я никогда не забуду.

– Как позже? – Она замотала головой. – Нельзя ждать. Надо уходить отсюда.

– У нас нет выбора, – твердо сказал я.

– Но он же вернется, – возразила она. – Каждый раз, когда он приходит, становится все хуже. Я не… я не смогу больше выдержать…

Вдохнув, я постарался не думать обо всем том, что он, должно быть, с ней сотворил.

– Ничего не поделаешь. Сначала нужно подготовиться.

– Подготовить что? – Она почти кричала. Потом, разорвав мои объятия, она прижалась к стене, словно была не в силах больше находиться рядом со мной. Цепи звякнули об пол, напоминая, что она, черт возьми, тут прикована, и от ужаса меня стало мутить. Чего мне только стоило не блевануть тут же на пол, рядом с собой.

– У тебя есть ключ?

Я наморщил лоб:

– Ключ от чего?

– От этого. – Она подняла цепь на своих запястьях и на ногах, и я увидел маленький замочек, который держал цепь на ее лодыжке. – Мне надо снять эту цепь.

Я покачал головой, понимая, что совершенно не готов. Как же я собирался снять с нее эту чертову цепь?

– Я должен найти болторез.

– Ты должен вытащить меня отсюда. Вот что ты должен. Сейчас! – Последнее слово она почти выкрикнула. Теперь на ее лице уже не было слез, была только решимость. Ее голубые, все еще влажные от слез глаза сияли, и ко мне неожиданно пришло осознание того, как она прекрасна.

– Иначе он убьет меня, понимаешь?

У меня перехватило дыхание: как она может так спокойно, так сдержанно говорить об этом.

– Нет, он этого не сделает.

Вдруг она засмеялась, но это выглядело безумно, как буд-

то она сходит с ума.

– Сделает. Я видела его взгляд. Он… он хватал меня за шею, как будто хотел задушить. Я видела его лицо. Я все видела. – Она отвернулась от меня и прижала лицо к стене, как будто не могла больше на меня смотреть. Я опустился на колени на этот отвратительный матрац, чувствуя себя совершенно беспомощным. И безнадежным.

Но тут на меня нахлынула злость, так что кровь застучала в висках, и я сжал кулаки.

– Я не позволю ему снова прикоснуться к тебе.

Она даже не повернулась:

– Уходи.

Эти слова меня потрясли. Ей не нужна моя помощь? Неужели она сдалась?

– Скажи свое имя. – Слова прозвучали больше похожими на приказ, чем на просьбу. Я хотел назвать ей свое. Установить с ней связь.

Она обернулась, и разметавшиеся пряди волос наполовину скрыли ее лицо:

– Нет. Оставь меня. На самом деле ты не хочешь помочь мне, потому что слишком боишься, что тебя поймают. – Она бросила на меня свирепый взгляд.

Ее слова не укладывались у меня в голове. Не может она так думать. Неужели она готова отдать целую жизнь для того, чтобы… что?

Умереть от руки моего отца?

Как бы ни так, будь оно проклято! Этого не произойдет. Я спасу ее. Я должен. Это единственный выход.

– Скоро вернусь, – сказал я ей, отряхивая джинсы на коленях. Она так и не посмотрела на меня, отвернув лицо к стене. Только плечи слегка вздрагивали, как будто она все еще плакала.

И тут, когда я увидел все это, увидел ее безмолвные рыдания, мое каменное сердце разбилось вдребезги.

Итан

Сейчас

Я нашел ее.

День и ночь я искал человека по имени Кэтрин «Кэти» Уэттс. После ее интервью с Лизой Суонсон я потратил неделю, чтобы откопать хоть что-нибудь. Прочесал весь интернет. Прочел все статьи о похищении, о том, как ее обнаружили. Некоторые из них я читал и раньше. Пересмотрел всю документалистику, снятую по ее делу на каналах YouTube, Hulu и Netflix. Всю… Раз за разом. Снова и снова. Некоторые фильмы я уже видел, но были и новые, которые вышли уже после того, как я решил забыть ее навсегда. А также забыть все, что между нами случилось.

Теперь я искал в них любую зацепку, слабый проблеск надежды, любой клочок информации, который, возможно,

пропустил.

Это помогло. После довольно бессовестных поисков в Сети, я обнаружил, где она раньше жила. Где ходила в младшую школу и как звали ее лучшую подругу. Ту самую, которая была с ней при похищении. В свое время ее имя скрыли от прессы, но я просмотрел все документы в деле и нашел ее в списке свидетелей.

Найти Сару Эллис было легко. Тут же всплыли ее профили в Twitter, Instagram и Facebook, вместе со всеми другими Сарами Эллис. Однако стало ясно, что Сара не общается с Кэти. Так что следить за ней было бессмысленно.

Наконец я случайно наткнулся на то, что действительно относилось к делу. Воспользовавшись обычным благопристойным поиском в Сети, я наткнулся на документы Кэти о покупке нового дома.

А это значит… что у меня теперь был ее адрес.

Я нашел ее дом на гугл-картах и стал его рассматривать; маленький, старинный. На крошечном дворике вдоль забора высажены белые розы. Подвесные качели на небольшой веранде. Тихое место, за которым только высокий сосновый лес.

Она живет там уже год. Сделка совершена лишь от ее имени. Полагаю, у нее нет бойфренда.

Очень, черт возьми, надеюсь, что у нее его нет.

Интервью опять в эфире, и я снова его пересматриваю. Голос Кэти почему-то успокаивает меня. Вселяет надежду.

Заставляет тосковать. Мы нашли друг друга, когда оба были еще очень юные. Нам казалось, что никто нас не понимает. Потом ее родители положили конец этим отношениям, и я убедил себя, что так будет лучше, решил, что она мне не нужна. Захотел забыть и забыл о ней.

Или думал, что забыл.

Но теперь я вновь, как безумец, помешан на ней. Хочу увидеть взрослую Кэти и попросить у нее прощения. Пожелать счастья и чтобы ей никогда больше не являлся призрак моего отца.

Как он все время является мне.

– Какие ваши планы на будущее? – спрашивает Лиза в конце интервью.

– Сейчас я просто живу сегодняшним днем, – отвечает Кэти кротко. Ее голос запал мне в душу, вторгся в мои мысли. Я отрываюсь от интернета и вглядываюсь в ее лицо на экране телевизора.

Как она красива. Золотистые волосы завиваются на концах, а голубые глаза стали глубокими как полночное небо. Она выглядит такой чистой. Как ангел.

Пусть она станет моим ангелом. Пусть спасет меня. Если бы я мог увидеть ее, поговорить с ней. Хотя бы раз.

– Наверняка у вас есть какие-нибудь планы. К чему вы стремитесь? Брак? Карьера? Дети? – настаивает Лиза.

Кэти вздрагивает. Едва различимо, вряд ли обычный зритель это увидел.

Но я заметил, как задрожали ее ресницы и как страдальчески наморщился нос. Ей тяжело отвечать на этот вопрос.

– Я не знаю, что меня ждет, учусь экстерном. Впервые в жизни живу одна, и мне это нравится. Надеюсь, что однажды найду кого-то, но… – Ее голос обрывается, и секунду она молчит. Опускает голову, волосы падают на лицо, а я смотрю на нее, как завороженный, хотя много раз уже видел этот эпизод.

– Я не уверена, что мне суждено, – признается она кротко.

– Что вам не суждено? Выйти замуж? – Лиза теперь как собака, которой бросили кость: вцепилась и не отпустит, пока не получит то, что ей надо. Она хочет показать Кэти привлекательной девушкой. Милой, правильной, замужней, с детишками и всем тем, что должно быть у добропорядочных граждан.

– Да, все это, – кивает Кэти в ответ и спокойно смотрит на ведущую. – Я не уверена, что у меня получится. Что я смогу кому-нибудь доверять.

Эта последняя фраза убивает меня наповал.

Он разрушил все к чертовой матери. Погубил эту девочку. Она никому больше не доверяет. Она думает, что никого не сможет полюбить. Хуже того: уверен, что она считает себя недостойной любви.

Уж я-то знаю. Я сам недостоин любви. По крайней мере, все эти годы я так считал. Надеялся прожить свою жизнь без любви и семьи. Мечтал лишь о том, чтобы выйти из тени

отца, который сидит теперь в камере смертников и в ус не дует. Интересно, что он думает об интервью.

Потому что уверен: он не пропустил ни единой чертовой секунды этого интервью.

Как и я.

Кэти

Тогда

Он не возвращался.

Я решила про себя, что он говнюк. Лжец. Я не знала, кто он. Не знала его имени. Чего он хотел? Как он нашел меня? Я даже не знала, где нахожусь. Я только мельком успела выглянуть из окна старого сарая, прежде чем тот человек натянул повязку мне на глаза, погрузившую меня в темноту. Все, что я увидела, – это пустой двор. Лишь одинокая лошадка, словно сошедшая с карусели, с выцветшей облупившейся краской, стояла, прислонясь к забору. Эта лошадка меня расстроила. Ей было здесь не место.

Мне тоже было здесь не место.

Тот человек снова пришел рано утром. Он принес мне на завтрак пончик. Черствый, с липкой, промокшей глазурью, но я тут же его проглотила. Очень хотелось есть. В животе забурчало, и я прислонилась лбом к стене, чтобы хоть как-то унять мучительный голод.

Закрыв глаза, я представила мамино лицо. В нем было для меня столько надежды, что я попыталась ухватиться за этот образ. Я увидела ее, папу, сестру и Сару. Надеюсь, они не сходят с ума от страха. Надеюсь, они меня ищут. Но найдут ли? Кто-нибудь ведь найдет меня?

Или нет.

Медленно на глазах выступили слезы. Рыдания застряли в горле острым комком. Я глотала их с усилием, как будто это еда, на которой я смогу продержаться еще немного. Мне нужно было на что-то опереться. Надежда покидала меня. Совсем скоро придет он. Будет трогать меня, навалиться на меня, обмусолит своим ртом и о боже…

Я прогнала от себя эти мысли, весь ужас, всю реальность того, что он делал.

Пошевельнувшись, я вскрикнула от острой боли между ног. А цепь громко звякнула об пол. Я вся была в синяках и ссадинах: руки, ноги, грудь. На внутренней стороне бедер – сине-черные кровоподтеки.

И ссадины везде. Он был жесток: швырял меня, как тряпичную куклу, вертел, выворачивал ноги и руки, запрокидывал мне голову. Всякий раз хотел, чтобы я смотрела на него как-то особенно. А я не понимала, как.

Потом вспомнила его руки. Грубые пальцы на широких ладонях. Когда он бил меня ими по лицу, раздавался звук, похожий на хлопок выстрела. От этих прикосновений мою кожу будто обжигало. Словно маленькие червяки начинали

извиваться между костями и мускулами, зарывались внутрь меня, глубже и глубже. Я содрогнулась. От накатившего страха скрутило живот. Скоро он придет, и я не знаю, перенесу ли это еще раз. Не знаю, что он будет делать после того, что делал в прошлый раз…

Я попыталась глотнуть. Горло было шершавым, как наждачная бумага, и горело огнем. На шее тоже много синяков. Не удивлюсь, если они в форме отпечатков пальцев. Пять маленьких синяков на одной стороне, пять лиловых пятен на другой. В прошлый раз он схватил меня за шею и стал со всей силы душить. Бил меня головой о матрац, так что я едва не потеряла сознание.

Лучше бы я умерла. Тогда не пришлось бы больше страдать. Я очень устала от всего этого. Смертельно устала. А ведь прошло всего несколько дней. Я потеряла им счет, но больше терпеть не могу. Мне нужно уйти. Нужно бежать, пока он не прикончил меня…

Дверь в сарай внезапно распахнулась, и внутрь просочилась полоска заходящего солнца. Через секунду она исчезла, и дверь закрылась с мягким, не предвещавшим ничего хорошего щелчком. Я замерла, стараясь не дышать, чтобы услышать, как он крадется.

Его скрытность меня пугала. Было бы лучше, если бы он ворвался с неистовой злобой и орал на меня. Но он крался, как вор. Как оживший ночной кошмар. Спокойный, расчетливый, с жуткой улыбкой на лице.

Я сидела к нему спиной. Все тело замерло, несмотря на дрожь. От боли внутри хотелось завыть, и я плотно сжала потрескавшиеся губы, чтобы сдержаться.

– Эй.

Голос был мужской, но ласковый. И я обернулась. От облегчения и шока из глаз брызнули слезы.

– Ты пришел, – вздохнула я и оперлась спиной о стену.

Он двинулся мне навстречу. Мальчик, которого я назвала лжецом. Я была не права. Он стоял передо мной как герой, о котором я мечтала, внимательно изучая меня своими темными глазами. Он сжал губы в тонкую линию. В руках парень держал непонятный предмет. Что-то железное с длинными ручками, в то же время похожее на огромные щипцы.

Этот предмет выглядел как орудие убийства. Сейчас он занесет его над моей головой и сокрушит меня за доли секунды.

– Это болторез. – Он поднял его вверх, и я вздрогнула. Он это заметил, и его губы скривились. Он встал коленями на край матраца.

– Подойди, все будет хорошо. Я не причиню тебе боли, лишь хочу перекусить цепь болторезом. Сначала на лодыжке, потом на запястье. Так будет проще.

Все внутри наполнилось облегчением и буквально запело надеждой. Я отодвинулась от стены и протянула к нему ногу. Как же я хотела избавиться от этих цепей. Раз и навсегда. Увидев синяки на моей голени и коленке, он вздрогнул.

Еще на бедре.

Он старался не смотреть. Сдвинув брови, наклонился над моей ногой. Черные, как ночь, волосы упали ему на лоб. Цвет был какой-то ненатуральный. Так что я даже подумала, не красит ли он их.

Интересно зачем.

– Скажи свое имя, – бросил он раздраженно, добравшись до моей лодыжки и робко придвинув ее поближе к себе. Это движение напомнило мне *о нем*. Человеке, который меня похитил. В ту же секунду что-то сдавило в грудь, стукнуло сердце.

– Скажи сначала свое, – шепнула я порывисто, еле различимо. В голове проносились вихри. Я знала, это от голода. Очень хотелось есть и пить.

Он поднял голову, и наши взгляды снова встретились. Черный, пристальный, полный ужаса взгляд. Он был растерян, ему было почти так же страшно, как мне.

– Уилл, – прошептал он.

– Я – Кэти, – ответила я, вздрогнув, когда холодный метал болтореза сжался вокруг цепи и полоснул мою кожу.

– Не двигайся, Кэти. – Он снова отвел взгляд и сосредоточился на деле. Я наблюдала за ним. Он обхватил инструмент руками и сделал глубокий вдох, как бы собираясь с силами. Готовясь.

– Я не хочу причинить тебе боль.

У меня замерло сердце. В этот момент я поняла, что вот

он – мой ангел-хранитель, мальчик, посланный, чтобы спасти меня. Именно меня. Он – мой.

Кэтрин

Сейчас

– Итак. – Доктор Шейла Хэррис складывает руки на колене. На ее лице кроткая безобидная улыбка. – Как прошла ваша неделя? Насколько вы продвинулись к поставленной цели?

Я отрываю от нее свой взгляд и начинаю пристально изучать ногти. Кутикулы просто кошмар. Я ковыряю ноготь, отрываю кутикулу так сильно, что выступает капля крови. Каждый раз она задает мне этот вопрос. Хотя про цель – это что-то новое. Об этом мы говорили в прошлый раз.

– Ну, знаете, как обычно. Было интервью с Лизой Суонсон на центральном телевидении. Ничего особенного.

– Я видела. – В голосе доктора Хэррис появляется интерес. Она знала, что я иду на телешоу. Некоторое время интервью было предметом нашего с ней обсуждения. Оно было частью плана, моей целью на пути к обретению покоя и силы.

Не то чтобы я согласна с этой целью. Но стараюсь.

– И что вы думаете? – спросила я.

– Я думаю, что вы – очень смелая. – Теперь она говорит торжественно. – Вы рассказали больше, чем я ожидала.

Я поднимаю голову и тайком смотрю на нее. Она следит за мной, улыбаясь все той же хорошо поставленной безучастной улыбкой. Всегда доброй, всегда терпеливой.

– Мне хотелось быть предельно честной и открытой.

– Считаете, это разумно?

Прежде чем ответить, я задумываюсь.

– Не уверена, скорее, опрометчиво, – признаюсь я. – Ко мне потянулись все СМИ, какие только возможно. Рекламные агенты, журналисты. От сайтов и газет. Все хотят поговорить.

– Вы не думали, что так будет?

– Я знала. Это не стало неожиданностью. – Разумеется, я была к этому готова или думала, что готова.

– Что же тогда *стало* неожиданным?

– Не знаю. – Я пожимаю плечами. Это ложь. Мне просто не хочется признавать, что после интервью я не чувствую себя лучше. Я наделась, что я очищусь. Стану сильной.

И что же? С тех пор, как интервью вышло в эфир, я не ощущаю перемен. Поначалу я, конечно, почувствовала облегчение, словно смыла с себя всю грязь. Но теперь я снова прежняя. Никакой разницы.

Я не исцелилась.

– Многих заинтересовала ваша история, – говорит Шейла.

– Это меня удивило. Количество реальных людей, которые посмотрели интервью и хотели бы узнать больше. – На слове «больше» я делаю ударение, потому что именно это

они все время повторяют. Больше подробностей, больше о моем будущем, больше о моем прошлом, больше, больше, больше. Иногда мне кажется, что меня разрывают в двадцати разных направлениях. А сама я не знаю, куда идти.

– Думаю, нечему удивляться. СМИ питаются такими историями. Взять хотя бы тех бедняжек в Огайо, которых все эти годы держали в рабстве. И Элизабет Смарт. Джойси Дуггард. Мир потрясен их историями. О них говорят до сих пор. Все они написали книжки, дали кучу интервью. Некоторые выступили со сцены, превратив свои трагедии в послания силы и надежды.

– Я не уверена, что у меня получится так же, – признаюсь я доктору.

– Но мы ведь можем над этим работать. Не ради известности. Вам надо найти другую цель. Заглянуть вглубь себя и найти внутреннюю силу. А она у вас есть, – уверено говорит доктор Шейла, мол, даже не сомневайтесь.

– Вы действительно так думаете? – В этот момент я ненавижу свой неуверенный голос.

– А вы как считаете?

– Не знаю, – я глубоко вздыхаю, – иногда мне кажется, что соглашаться на интервью было ошибкой.

– И что конкретно вы ощущаете при этой мысли?

– Хочу куда-нибудь спрятаться, – отвечаю без колебаний.

– Ну, судя по всему, вы прекрасно спрятались. – Доктор Хэррис тихонько смеется.

Ой! Решаю перефразировать.

– Хочу, чтобы меня не было.

– Не на самом деле. – Она перестает смеяться.

Я пожимаю плечами и молчу. Это правда. Если бы меня не было, мне не пришлось бы все это терпеть. Но я сама накликала это на себя, и мне некого винить.

Не совсем так. Я виню в своих страданиях Аарона Уильяма Монро. Если бы он тогда убил меня, все бы давно закончилось.

От этой мысли я вздрагиваю, как будто его грубые ледяные пальцы вдруг обхватывают мою шею и выдавливают из меня жизнь.

– Вы в порядке? – спрашивает доктор, но я молчу. Уверена, что она заметила, как я вздрогнула. Мой терапевт не упускает ничего.

Несколько минут мы сидим в тишине, нарушаемой лишь тиканьем часов на книжном шкафу. Меня бесит это повторяющееся тик-так, тик-так. Видимо, она специально поставила здесь часы, чтобы сводить пациентов с ума этим тиканьем. Чтобы им ничего не оставалось, кроме как заполнять тишину рассказом о своих несчастиях и тревогах.

В конце концов я не выдерживаю и, проглотив комок в горле, признаюсь:

– Иногда я думаю о том, что было бы, если бы он убил меня.

– Вас бы не было. Тут не о чем думать. Будущего бы не

было. Вы бы навсегда остались двенадцатилетней девочкой с безутешной семьей. А он был бы на свободе и убил бы еще многих после вас, – говорит доктор Хэррис прямо, без обиняков.

Она хочет поразить меня, убедить меня в том, что это направление мыслей никуда не ведет. Но просто так она об этом сказать не может. Не имеет права давать оценку моим словам. Это нарушает их кодекс психологической помощи или что-то типа того.

– Но, может, было бы лучше? – спрашиваю я. – Не для моей семьи, конечно, они все равно бы страдали. – Я начинаю думать о папе, но тут же изгоняю его из мыслей. Меня все еще огорчает то, как он обращался со мной, но поделать я ничего уже не могу. Его больше нет. – А для меня.

Я поднимаю голову и встречаюсь с ней взглядом:

– Может, это было бы лучше для меня?

Ее лицо, как обычно, ничего не выражает. О боже, если бы эта женщина проявила хоть каплю эмоций. Хоть раз. Впрочем, может, именно благодаря этой черте она – профессионал своего дела.

– Все бы закончилось, – продолжаю я. – Все, конец, понимаете? В смысле я делаю вид, что живу. Редко выхожу из дома. Учусь экстерном. У меня нет друзей. Нет никакого общения, кроме как с сестрой и ее бойфрендом. Ведь это провал. И, конечно, ни один мужчина никогда не захочет…

Быть со мной. Трогать меня. Целовать меня.

Я запинаюсь, поджимаю губы и закрываю глаза, чтобы хоть как-то сдержать эти уродливые мысли. Они всегда охватывают меня в самый тяжелый момент. Погружают на глубину, когда я и без них подавлена. С одного наскока отнимают и силы, и кислород.

– Вам одиноко, Кэтрин?

Я поднимаю голову и тут же снова ее роняю, чтобы случайно не увидеть в ее глазах жалости ко мне, ни единого проблеска. Большую часть времени она держится равнодушной, но иногда жалостливый взгляд нет-нет, да и выдаст ее. На долю секунды, которую можно приписать моему воображению.

– Бывает одиноко, – признаюсь я.

– Вам стоит попробовать выбираться куда-нибудь. Вступить в клуб по интересам или что-то в этом роде, – предлагает она.

Я смеюсь, хотя это несмешно.

– Отлично. В какой мне записаться клуб? Может, есть группы для оставшихся в живых анонимных жертв, серийных убийц?

Она игнорирует мой сарказм.

– Есть много разных групп поддержки, Кэтрин. Уверена, вы сможете найти ту, что подойдет и будет вам полезна. У меня много информации. Я могу дать вам с собой материалы.

Материалы, которые она уже пыталась мне всучить. Нет,

спасибо. Мне нет до этого дела.

– Я не могу сейчас показаться в общественном месте. Меня могут узнать.

– Вы сами хотели дать интервью, – напоминает она. И это работает.

Я начинаю злиться.

– Да, вы правы. Просто я думала, что хоть это поможет мне, раз уж наши сеансы не помогают, – выпаливаю я и вскакиваю на ноги. Я так расстроена, что меня трясет. – Мне пора идти.

– Вам кажется это разумно? – Доктор Хэррис смотрит на меня снизу вверх, подняв одну бровь.

– Не знаю. – Теперь мне хочется провалиться сквозь землю. – По-моему, это неважно. Я просто так чувствую.

– Противоречивые чувства.

– Да.

– Почему?

Я тяжело опускаюсь на стул, как будто из меня вдруг выкачали весь воздух. Пустота в легких, вихри в голове.

– Я не знаю. Я хочу жить. Но лучше бы умерла. Я хочу быть сильной. Но слабой быть намного проще. Я хочу столкнуться лицом к лицу со страхом, хочу побороть его. Но в то же время хочу сбежать и притвориться, что меня нет.

– Но вы есть. И вы очень стараетесь быть сильной.

Она подается вперед на своем стуле. А я на своем наоборот съеживаюсь.

– Во-первых, вы справились с интервью, рассказав свою историю.

– И что? – спрашиваю я тихо, обвивая себя руками, пытаясь унять внезапный озноб.

– Вы сделали это. Прошли через испытание с достоинством. Вам нужно гордиться собой. – Она говорит таким решительным тоном, как будто пытается зарядить меня силой. – Вы гордитесь собой?

– Я? – Мне смешно. – Нет. Чем мне гордиться? Я просто выжила.

– Вы сбежали. Вы опознали серийного убийцу и насильника. И благодаря вам он был схвачен.

– Это все не я. Мне помогали. – Мои мысли снова возвращаются к нему. В последнее время он очень часто приходит мне на ум. Мой ангел-хранитель. Я нащупываю талисман на браслете и провожу по нему пальцем. – Сама я ничего не сделала, чтобы сбежать.

– Вы себя недооцениваете.

– Мне было двенадцать. Я была абсолютно беспомощна. Меня спас его сын. Он привел меня в полицейский участок. – Уилл не собирался оставаться там. Он продумал план, как подбросить меня и вернуться назад. Куда, не знаю.

Но ничего хорошего там позади не осталось.

– У вас хватило смелости дать показания, – напоминает мне доктор Хэррис. – Вы говорили в суде и помогли обличить человека, который похитил вас и изнасиловал.

Изнасиловал. Ненавижу это слово. Из-за него я чувствую себя испорченной – может, потому, что я действительно испорчена. Кто захочет меня? Я не могу смотреть мужчинам в глаза, не то что говорить с ними.

– Я больше не хочу говорить об этом.

– Говорить о чем?

– О нем. О том, как он изнасиловал меня, погубил меня. И теперь я не нужна ни одному мужчине, – невольно вырывается из меня. Все всегда возвращается к этому. Им всем нужны эти отвратительные подробности. Полный список того, что он делал со мной, где трогал, сколько раз…

Я опускаю ресницы и позволяю воспоминаниям нахлынуть на меня, наводнить мои мысли. Что он делал. Что говорил. Его взгляд. Ничтожные частички доброты, которыми он одаривал меня, чтобы показать себя не таким уж плохим.

Он был дьяволом.

– Вы считаете, что вас погубили? – спрашивает доктор Хэррис.

– Да, – отвечаю я шепотом. – Поэтому иногда я хочу умереть. Знаете, станет намного проще. Не надо будет со всем этим разбираться.

– Вы говорите, что хотите покончить жизнь самоубийством?

Всегда один и тот же вопрос. Она всегда боится, что я причиню себе вред.

– Нет, совсем нет.

– Вы действительно жалеете об интервью?

Я смотрю на нее удивленно.

– Нет. Мне нужно было дать его. Наверное, это часть процесса.

– Я думаю, вы правы, – мягко отвечает доктор Хэррис, и лицо ее добреет. Этот маленький проблеск доброты успокаивает меня, и я выпрямляюсь на стуле. Провожу пальцем по серебряному ангелу-хранителю.

– Разговор о том, что было много лет назад, вызвал у вас море сложных чувств и воспоминаний. Вы как бы возвратились в прошлое, и вам пришлось снова столкнуться с теми ощущениями.

А ведь я действительно плохо справилась с ними в первый раз. Мне не стоило притворяться, что все в порядке, когда все было не в порядке.

– Мне надо быть сильной, – говорю я. – Я не хочу жить под влиянием прошлого.

– Мы все по-разному справляемся с травмой, – начинает она, но я перебиваю ее.

– Я хочу быть сильнее.

– У вас получится. – Она улыбается сдержанно, одними губами, и улыбка получается лживой. – Когда-нибудь.

– Когда?

– Когда вы будете готовы.

– Но я готова.

– Да?

И снова молчание. Может, она права. Может, я не готова. Может, я никогда и не буду готова.

Итан

Сейчас

Я схожу по ней с ума. Сижу в машине неподалеку от ее дома. Подъехал и слежу, распластавшись на водительском сидении так, что меня почти не видно. Едва-едва выглядываю из-за руля. В доме тихо. Нет припаркованной машины. Не происходит ничего. И это меня нервирует. Я хочу подъехать поближе, но не слишком. Если она там и мы случайно столкнемся, она меня не узнает. Не хочется напугать ее, ведь она, наверное, нервная. Она может подумать, что я журналист, который пришел покопаться в ее жизни.

Это было бы отличным прикрытием.

Черт, меня не должно здесь быть. Я обещал себе, что не буду подходить к ее дому. Не буду пытаться, даже краешком глаза, ее увидеть.

Но вот я здесь, выслеживаю ее. Жду чего-то. Просто хочу убедиться, что с ней все в порядке. Что она в безопасности. После того как вышло интервью, она, должно быть, столкнулась с невыносимым вниманием прессы. Пережить все это непросто. Есть ли у нее надежная группа поддержки? Друзья? Семья? Я смотрел интервью несколько раз и точно знаю,

что она совершенно одна.

Одинока.

И я хорошо себе это представляю. Это и вправду ужасно. Прошла ли у нее постоянная боль в желудке? Является ли он к ней, одинокой, ранимой в своей постели, в самый поздний час? Под видом воспоминаний, в обличье кошмарного сна?

Очень надеюсь, что нет.

От нетерпения я весь как ни иголках. Понимаю, что не смогу просто тихо сидеть в машине. Слишком тесно, слишком душно. Такое чувство, будто меня поджаривают на медленном огне. Готов взорваться и все разнести в пух и прах.

Терпение никогда не было моей сильной стороной.

Так что я вылезаю из машины и медленно, размеренным шагом иду по тротуару в сторону ее дома. Руки в карманах джинсов. Лицо выражает безучастность. На мне черная толстовка и солнцезащитные очки, хотя солнца почти нет. Вокруг тишина. Если учесть, что сейчас около одиннадцати утра, то все, должно быть, на работе. За исключением пожилой женщины, которая сидит на крыльце соседнего дома.

Соседка.

Вот зараза!

Я стараюсь не смотреть в ее сторону, даже головы не поворачиваю, хотя мне невыносимо хочется взглянуть на дом Кэти. Хочется вглядеться в каждую деталь и сохранить ее в памяти. Может, это даст мне ключ, прольет лучик света на то, как она живет. Я хочу ее понимать.

Хочу больше всего на свете.

– Молодой человек, вам чем-нибудь помочь?

Обернувшись, я вижу, что пожилая леди уже уселась на край садовых качелей и следит за мной ястребиным взглядом, готовая в любой момент броситься. Я сразу чувствую в ней родственную душу. Она никому не доверяет, как и я. Готов поклясться, что во всем переулке она единственная стоит на этой бессменной вахте.

– Здравствуйте, – машу я ей.

Выражение ее лица не меняется. Оно не злое, но и неприветливое.

– Вы кого-нибудь ищете?

– Мне кажется, я жил здесь, когда был маленький, – указываю я на дом Кэти.

– Вам кажется? – Она вопросительно вскидывает подведенные брови.

– Даже уверен, – улыбаюсь я в ответ. – Это было довольно давно.

– Угу. Но настолько старым вы вроде бы не выглядите.

– Но далекие воспоминания у меня уже есть. – Я все еще уверенно улыбаюсь ей. Но она не улыбается в ответ.

Она изучает меня. Оценивает. Вероятно, думает, что я замышляю недоброе.

Это правда.

– Значит, вас сюда привела ностальгия? Только не говорите мне, что вы журналист.

Замечание о журналисте я пропускаю мимо ушей. Это было бы идеальным прикрытием. Но, похоже, что эта женщина меня просто разорвет, если заподозрит, что я пришел совать нос в чужие дела. Сказать ей «скорее меланхолия», – это даже не ложь. А может быть «я скучаю по маме»? Тут и притворяться не надо. Ведь мамы мне действительно часто не хватает, в отличие от моего дорогого папочки.

– А. Вы потеряли мать? – выражение ее лица не меняется. Я даже не понимаю, искренне ли она мне сочувствует.

Киваю, даже не зная, ложь это или правда. Мама так и не появилась в моей жизни. Даже когда все это дерьмо вылилось в прессу и папину рожу передавали по новостям. Когда его имя было у всех на слуху, она так и не вернулась. Какая женщина не попыталась бы связаться со своим единственным ребенком? Я попал в приемную семью, из которой в семнадцать лет сбежал. Чем не очень расстроил приемных родителей. Все, что им было нужно, это ежемесячные выплаты от государства.

Пока я жил с отцом, жизнь напоминала ад. Но, когда меня выдернули из этого дома, она осталась таким же адом, только меньшего масштаба. Я нуждался в ком-нибудь, кто придет и спасет меня. Долгое время верил, что этим героем станет мама. Много лет в уме проигрывал сцену нашего воссоединения, но оно так и не наступило.

Либо она мертва, либо самая бессердечная сука. Лучше я буду думать, что мертва.

Так намного проще.

– Мне жаль, – выражение лица соседки совершенно не меняется. Это даже странно. – Мне жаль, но я не припоминаю, что бы в этом доме жила какая-либо семья с маленьким ребенком, юноша.

– А вы здесь давно живете?

– Почти двадцать лет.

Вот черт. Конечно, она бы знала:

– Да? Ну… спасибо за информацию.

– Может быть, вы ошиблись домом? – предполагает она. – Может, ваш дом на другой улице, неподалеку. Они все здесь очень похожи.

– Может. Наверное, вы правы. – Наконец я позволяю себе задержать взгляд на доме – доме Кэти. Это маленький белый домик, с голубой отделкой и голубыми ставнями. Входная дверь выкрашена в ярко-красный. Это немного удивляет: такой дерзкий цвет, хотя, возможно, ей нравится яркое. Крыльцо живописно уставлено цветочными горшками. А с крыши свисают такие же качели, как те, на которых сидит сейчас женщина, ведущая мой допрос.

Если б я мог, зашел бы во двор, заглянул бы в окна, увидел бы, как Кэти живет. Посмотрел бы, что она любит, какая у нее мебель, какие фотографии на стенах. Но ни в одно окно заглянуть невозможно. Все они закрыты ставнями или занавесками. И, конечно, я не хочу показаться чертовым извращенцем, подглядывающим в окна за одинокими беззa-

щитными женщинами.

Ни за что не позволю себе быть похожим на отца. Я и так себя ненавижу. Любое сравнение с ним окончательно прикончит меня.

– А кто живет сейчас в этом доме? – небрежно роняю я, в то время как в груди бешено пульсирует сердце. Мне нужно всего одно слово о жизни Кэти – Кэтрин. Маленький факт, крупица информации, которую позже я смогу как следует переварить.

Скажите, что с ней все в порядке. Скажите, что она счастлива. Скажите, что у нее друзья и кот, и хорошая работа, и она встречается с кем-то, и он – необыкновенный. Скажите, что ее семья с ней, что она часто улыбается и совсем не одинока. Скажите мне все это, скажите, что я неправ. Мне надо это услышать. Мне надо знать, что с ней все в порядке.

Это все, что мне нужно: знать, что у нее все хорошо.

– А это не ваше дело, – одергивает меня женщина. Я делаю шаг назад, удивленный тем, как внезапно вспыхнули ее глаза. Защитница. Это мне нравится. Теперь, зная, что совсем рядом с Кэти живет тот, кто на ее стороне, я могу быть спокоен. Не то чтобы эта дряхлая женщина могла с кем-то справиться, но… она всегда может вызвать 911. Может отгонять от дома странных шатающихся типов вроде меня. – Тут частная территория.

Это все, что она сказала. Все, что я узнал от нее.

Секунду мы смотрим друг на друга, и я даю ей выиграть, отвожу взгляд. Интересно, расскажет ли она Кэти, что какой-то незнакомец приходил сегодня. Впрочем, что это изменит?

Вероятно, ничего.

– Спасибо вам за помощь, – говорю я и отправляюсь обратно к машине. Пытаюсь совладать с горьким вкусом разочарования во рту. Сам не понимаю, что, черт возьми, я делаю. Не понимаю, чего добивался. Поставить во всем этом точку? Но в том, что случилось со мной, в том, что случилось с Кэти, невозможно поставить точку. Мы оба прошли через то, чего никому не понять. Хотел бы я поговорить с ней, но не могу. Не хочется вскрывать старую рану, чтобы она снова кровоточила.

Довольно с меня и этих маленьких разрозненных кусочков жизни Кэти. Я буду собирать их медленно, в одиночестве.

Пока что этого с меня довольно.

Кэти

Тогда

После того как я несколько дней пролежала на тонком матраце, прикованная к стенке, я очень ослабла. За эти дни я почти ничего не ела и крайне мало пила. Так что, когда Уилл

срезал цепь с моей лодыжки и дал мне бутылку воды, я тут же залила в себя почти все ее содержимое.

– Не торопись, – тихо предостерег он меня ровным голосом, в котором слышалась забота. Все еще держа бутылку во рту, я подняла на него глаза. Он нахмурился:

– Ты же не хочешь, чтобы тебя всем этим вырвало.

Он был прав. Послушав его, я стала пить медленнее. И все время не спускала с него глаз. Он залез в свой рюкзак, вынул что-то похожее на свернутую футболку и протянул ее мне.

– Это тебе.

Я пригляделась к свертку. На темно-синей ткани виднелась белая надпись. Но что именно там написано, я разобрать не могла.

– Что это? – Я все еще не доверяла ему. Не знала, что им движет. Может он такой добрый сейчас, чтобы мной воспользоваться? Я не знала, кто он. Не знала, почему он хочет помочь мне. Я ничего не понимала.

– Футболка, чтобы ты могла переодеть ту, что на тебе. – Он указал на меня рукой. – Я подумал, что ты, наверное, захочешь переодеться в чистое. Но у меня нет для тебя шортов, ничего такого. Я слишком большой, а ты э-э… маленькая.

Он не выглядел таким уж большим, но был выше меня ростом. Я взяла из его рук футболку и развернула. Это была футбольная майка школьной команды. Сверху красовалось название и эмблема с надутым, угрожающего вида орлом.

– Ты ходишь в эту школу? – спросила я.

Уилл не обратил внимания на мой вопрос. Он огляделся вокруг.

– Надо спешить, – сказал он, прищурившись. – Скоро сядет солнце.

– Я не могу переодеваться при тебе, – прошептала я, и он, не проронив ни слова, отвернулся и стал копаться в рюкзаке спиной ко мне. Но я хотела убедиться, что он не обернется.

– Быстрее, Кэти, – поторопил он. Тогда я разорвала грязную истрепанную футболку, которая была на мне. И пока натягивала на себя новую, она соскользнула вниз к моим ногам. Его футболка доходила мне до середины бедра. Так что под ней скрылись мои грязные, заскорузлые шорты. А рукава доставали до локтей. На трясущихся ногах я попыталась встать, но колени тотчас подкосились. Я чуть не упала.

В ту же секунду он бросился ко мне, чтобы подхватить под локоть, но я увернулась.

– Я в порядке, – пробормотала я, казалось, он обжег меня, коснувшись пальцами. Это было небольно. Больше похоже на покалывание электрического разряда, который привел мое тело в чувство.

Это было странно.

– Я думал, ты сейчас упадешь, – сказал он тихо. Опустил голову, и черная челка упала ему на лоб. И снова цвет его волос показался мне каким-то искусственным. И я присмотрелась к нему поближе, желая понять, что он за человек.

На нем была черная футболка. Самая простая. На ногах

черные узкие джинсы и кроссовки Vans, до того стоптанные, что мне таких еще никогда не приходилось видеть. На мочке левого уха он носил тонкое серебряное кольцо. И такое же на губе, с правой стороны. Он был весь в черном, с головы до пят. Длинный. Тощий. Дерзкий. С длинной челкой, закрывающей пол-лица. Немного похож на ребят из школы, которые называли себя эмо, но, в отличие от них, он не выглядел бледным. И еще он был подкаченный. Не то что бы слишком накаченные руки, но мышцы были видны. Он выглядел сильным.

Даже немного пугающим.

– Нам надо уходить, – твердо сказал он, встречаясь со мной взглядом. Как уверенно, как по-мужски прозвучал его глубокий бархатистый голос. Но, присмотревшись, я сразу заметила, что он волнуется. На самом деле он был еще только ребенком.

Как и я.

Теперь я медлила, не зная, стоит ли идти за ним. И он, должно быть, почувствовал это. Наши глаза снова встретились, и я призналась:

– Мне страшно.

На долю секунды он осекся. Подозреваю, он растерялся, не зная, что со мной делать.

– Нельзя бояться, Кэти. Ты должна быть смелой. Пойдем со мной.

Я хотела. Очень хотела.

– Что если он найдет нас? Что он сделает?

Уилл стиснул зубы и от этого стал еще больше похож на взрослого непреклонного мужчину. А совсем не на ребенка, каким казался до этого.

– Он ничего тебе не сделает. Я ему не позволю.

– Обещаешь? – Я понимала, что прошу слишком многого, но мне нужно было услышать эти слова. Нужно было хоть какое-то напутствие.

Он посмотрела на меня торжественно:

– Обещаю.

Я хотела ему верить. Мне нужно было кому-нибудь верить, чтобы выбраться оттуда. Так что я полностью доверилась ему. У меня не было выхода.

Тогда он повернулся и без промедления направился к выходу из сарая. Стараясь не отставать, я последовала за ним. Одной рукой я по-прежнему сжимала полупустую бутылку. Взяв меня за другую руку, он помог спуститься по расшатанной лестнице. Выщербленные доски впивалась в стопы, и я вздрагивала на каждом шагу.

– Тебе нужна обувь, – пробормотал он и снова полез в свой волшебный рюкзак. Оттуда он достал пару ярко-оранжевых резиновых шлепанец, из тех, что стоят меньше пяти долларов за пару. – Я нашел их.

«Интересно, кто их носил», – мелькнула мысль. Впрочем, это было уже неважно. Теперь их носила я.

Я засунула ноги в шлепанцы, и, хотя они были слегка ве-

ликоваты, стало намного лучше. Он улыбнулся. Такой мимолетный неровный изгиб сомкнутых губ. Появился и тут же исчез. Затем без лишних слов он кивнул, чтобы я шла за ним. Я так и сделала, глядя ему в затылок, стараясь шагать с ним в ногу. Мы прошли через задний двор, мимо карусельной лошадки, одиноко прислонившейся к забору.

– Это лошадка твоя? – Я хотела выяснить, живет ли он в этом доме. Какова его роль в моем похищении.

– Да, нашел ее среди мусора недалеко от парка.

Парк. Парк аттракционов. Значит он близко. Ближе, чем я думала.

– Их обычно продают. С молотка. Люди такое покупают. Это для них вроде как купить кусочек счастья из детства, что-то на память, – продолжал он. Я заглянула в его лицо. Неужели эта лошадка для него тоже кусочек счастья из детства? Хотя он все еще ребенок. Старше, чем я, конечно. Но точно не взрослый.

– Но эту они выбросили на помойку. Она сломана, потерлась и облупилась. К тому же она коричневая, неказистая, наверное, плохо смотрелась рядом с остальными раскрашенными лошадьми. Ты ведь каталась на карусели? – Тут он встретился со мной взглядом, и я кивнула. – Все светится, музыка играет, колокольчики звенят, гудки гудят. Этот парень явно во все это не вписывался.

Меня посетило странное чувство, что он говорит уже не о лошади. А о себе.

– Но нам надо идти. – Он начинал раздражаться. Бросил последний нетерпеливый взгляд на обломок карусели, и мы пошли дальше. Он подвел меня к воротам, открыл их, показывая, что я должна выйти первой. Что я и сделала, скрепя сердце и навострив уши. Меня не оставляло чувство, что, возможно, все это ловушка. И он обрекает меня на смерть.

Мы вышли на улицу. Маленькие домики аккуратными рядами выстроились чуть ли не на крышах друг друга. В каждом дворе зеленела лужайка. Возле каждого домика на дорожке или вдоль улицы было припарковано по старой машине. На маленьких окнах – ржавые решетки. Чтобы зло не проникло вовнутрь или добро не выходило наружу, даже не знаю.

Ни один ребенок не играл на улице, никаких голосов не доносилось ни с задних дворов, ни из самих этих маленьких домиков. Было пугающе тихо, небо полыхало золотисто-розовым заревом. Медленно садилось солнце. Мы побрели вверх по улице. Уилл шел ровным неторопливым шагом. Я старалась не отставать от него, но чувствовала себя сильно уставшей, больной, истощенной.

Мы только начали, а я уже готова была от всего отказаться.

Когда мы поднялись на самый верх, я поняла, где мы находимся. Недалеко от главной трассы, которая выходит на набережную и к океану. Оглянувшись через плечо, я увидела его, и у меня перехватило дыхание. Желтый горящий шар

солнца медленно погружался в волнистую синь. Уже загорелась подсветка в парке аттракционов: светилось колесо обозрения и красно-зеленый сигнальный светофор, и возвышающиеся надо всем этим американские горки тоже светились белыми огоньками.

Внезапно меня охватило горькое сожаление. Я так и не покаталась с Сарой на этом аттракционе. Так и не съела Твинки[1] – золотой бисквит с кремом, о котором давно мечтала. Много чего не сделала.

Но по крайней мере я была жива.

– Уже недалеко, – пообещал Уилл. Я повернулась к нему и увидела, как по его лицу пробежала тень вины. Неужели он лжет?

Неуверенность росла во мне вместе с подозрением.

– Куда ты меня ведешь? – спросила я, пожалуй, довольно резко.

– В полицейский участок. – Он повел подбородком в ту сторону, где улица поднималась вверх. Мне уже не верилось, что я смогу справиться с этим дурацким подъемом. – Это туда, в сторону центра города.

– А мы далеко от центра?

– Недалеко. – Он опустил голову, и челка снова упала ему на глаза, как щит.

Он лгал. Я была уверена.

---

[1] Твинки (*англ.* Twinkies) – золотой бисквит с кремовым наполнителем, американское пирожное.

– У тебя есть сотовый? – у меня самой не было. Но у Сары имелся телефон. Как бы я сейчас хотела, чтобы он и у меня был. Уверена, мама и папа тоже не возражали бы.

– Нет, – он покачал головой, и еле заметная ухмылка искривила его губы, – мне не по карману.

Без лишних слов он побрел наверх, и мне ничего не оставалось, как идти вслед за ним. Тяжело дыша, изо всех сил мы тащились вверх. Хотя, скорее, тяжело дышала только я, потому что он был в превосходной форме. Ведь он не сидел прикованный к стене последние несколько дней. Его не били, над ним не издевались. Не кормили то пончиком, то пачкой печенья, то целой упаковкой чипсов Doritos с бутылкой газировки Dr. Pepper.

Ненавижу Dr. Pepper. То, что после всего пережитого, я могла так искренне ненавидеть марку газированной воды, было, наверное, результатом шока. Я смотрела с родителями сериал «Место преступления» и запомнила оттуда пару полицейских терминов. Хотя по большому счету я не вникала в происходящее на экране.

Я тогда во многое не вникала и теперь жалею об этом.

– Ты в порядке? – бросил Уилл через плечо, и я пробормотала в ответ «угу». С каждым шагом я кривилась от боли. Жутко болели лодыжки, а ветер с океана пробирал до костей.

Почему-то он заметил это. Он все замечал, а я не знала, бояться мне этого или нет. Из волшебного рюкзака появился светло-серый пуловер с капюшоном, и он протянул его

мне. Я надела его через голову, вдохнув запах, пропитавший ткань. Он пах стиральным порошком и чем-то еще. Чем-то неуловимым, так что я принюхалась, подтянув воротник к носу. Пуловер был мягкий и теплый, он почти полностью скрыл меня, как и футболка, а запах успокаивал.

– Надень капюшон на голову, – сказал он. И я надела.

– Зачем? – Я подтянула завязки, чтобы капюшон плотно прилегал к голове, обрамляя мое лицо.

– Твои волосы. Ты светлая. Он может… он может узнать тебя, если будет проезжать мимо. – Голос его дрожал, и я увидела, как он напуган. – Он ушел на работу. Но скоро вернется. Если не задержится перед этим в баре.

От ужаса сердце куда-то провалилось. Внезапно пересохло во рту и стало сводить живот. Боже, мне показалось, меня сейчас вырвет. Какой глупой я была, когда поверила, что могу вырваться от него. Он может найти меня, может найти нас обоих. Этот мальчик, наверняка, ведет меня к нему. А я иду за ним как идиотка.

– Кто он тебе?

Он покачал головой, раздувая ноздри.

– Не имеет значения.

Некоторое время мы молча шагали рядом. Я обдумывала его ответ. Этого было недостаточно. Он знал больше, чем говорил, и это пугало. Я боялась, что совершаю ошибку. Сама иду в ловушку.

– Дело в том, что это имеет значение, – сказала я нако-

нец, догнав его так, чтобы идти с ним рядом. Я задыхалась, ужасно ныли ступни, особенно пальцы ног. Их приходилось все время скрючивать, пытаясь удержать на ногах спадающие шлепанцы.

– Что имеет значение? – Он искоса настороженно взглянул на меня.

– Кто он тебе. Мне нужно знать, иначе не пойду дальше.

Не знаю, откуда у меня взялась эта сила, но я задрала подбородок в надежде, что выгляжу решительно.

Мы оба остановились посреди тротуара. Глядели друг на друга, громко и тяжело дыша, заглушая окружавшие нас обычные вечерние звуки. Где-то залаяла собака. Мимо проезжали машины. На долю секунды они высвечивали нас своими фарами и тут же уносились вдаль. Одинокая чайка пролетела над нашими головами с резким печальным криком. И мне показалось, что моя душа наполнена этим горестным криком.

– Это не должно ничего значить. Он совсем… Я совсем не такой, как он.

Я посмотрела на него внимательно. Огни проезжающей машины внезапно высветили его лицо, и вдруг я увидела, на кого он смутно похож. На моего похитителя. Тот же нос, тот же гневный огонь в глазах. Но почему-то от этого открытия мне сделалось очень спокойно. Как будто я поняла, что сделала правильный выбор. Мне было нестрашно. Он спас меня. Без особого труда вывел из этого адского сарая, из моей

многодневной тюрьмы.

– Он твой отец.

Он стиснул зубы, но не шелохнулся. Так же, как и я. Мы продолжали смотреть друг на друга, пока случайный автомобильный гудок не заставил нас подскочить.

– Нам надо идти, – пробормотал он.

– Ты же не… – Я подбежала к нему, схватила за руку и с силой вцепилась в нее. Даже слишком сильно, но мне было все равно. Опустив глаза, я смотрела на наши пальцы с благодарностью. С надеждой, что он не лжет. Я не знала, почему мне так спокойно с этим мальчиком. Даже не пыталась понять. Может, из-за того, что он спас меня. Без задней мысли, без страха за то, что с ним будет. Рисковал собой, освободив меня, помогая мне. Этого я никогда не забуду.

– Ты же не… ты же не ведешь меня к нему, правда?

Он сжал мои пальцы, но я даже не вздрогнула. Это заверение было мне необходимо. Нужно было поверить, что он действительно хочет меня спасти.

– Нет, я никогда не поступил бы так с тобой.

– Не поступил бы? – По-прежнему держа его за руку, я заглянула ему в глаза. Мне не хотелось его отпускать. Мои пальцы легли в его, и он тихонько погладил меня по руке. Внутри все затрепетало.

– Никогда, – сказал он твердо. В его взгляде был страх, но голос звучал уверенно. Он тоже боялся, и это убедило меня, что ему можно верить.

И все же, я хотела услышать его слова.

– Обещаешь?

Ни на секунду не сводя с меня серьезного взгляда, Уилл поднес к груди наши соединенные руки:

– Обещаю.

Кэтрин

Сейчас

Побороть страх.

Я набрала в Google эти слова, и мне выпала целая тонна полезной информации. Отличная пища для размышлений долгими бессонными ночами. Читала ссылку за ссылкой, чувствуя, как веки мои тяжелели, а в мыслях теснились советы, приемы, подбадривающие слова и подтверждающие цитаты.

У меня всерьез разыгралась бессонница. Не люблю принимать снотворное, хотя мне его прописали. Вообще не люблю принимать лекарства. Ксенакс, прозак, эмбиен… все в моем арсенале.

И все это я не люблю. От препаратов у меня туман в голове. Чувствую не то, думаю не о том, поступаю, как будто кто-то решение за меня принимает другой. Лучше уж просто встретиться с демонами своей души, чем зависеть от приглушающих боль таблеток.

От последней беседы с доктором Хэррис несколько дней назад у меня осталось неловкое чувство. Такое, от которого потом невозможно избавиться. Было стыдно, что я на нее кричала и вообще себя так повела. Как будто потеряла контроль над собой и отыгралась на психиатре. Наверняка она к таким вещам уже привыкла, но я все равно извинилась перед ней по электронной почте. В ответ она успокоила меня, сказав, что это лишнее. Но я все равно рада, что так сделала. Рада, что повзрослела и понимаю, когда закатываю истерику, как ребенок.

Кроме того, когда в тот день я вернулась домой после встречи с доктором, соседка, миссис Андерсон, сообщила мне, что возле дома «что-то вынюхивал» подозрительный молодой человек. Я ответила, что наверняка это журналист. (Она знает, кто я. Выяснила это почти сразу же, как я переехала. Никто так не сует нос в чужие дела, как она.) Но миссис Андерсон, похоже, сомневалась, что это журналист.

Я напряглась.

– Подозрительный молодой человек, – сказала она. – В солнцезащитных очках, хотя небо было затянуто. Поведал мне нелепую историю о том, что якобы жил в вашем доме, когда был ребенком. Я ему не поверила. Он мне даже понравился. Но я точно знаю: он что-то замышляет.

Затем она прищурилась, будто припоминая.

– В нем было что-то, из-за чего я решила, что он безобидный. Может, ваш бывший бойфренд увидел по телевизору

интервью и пришел?

Я чуть не рассмеялась от такого предположения. Но сдержалась.

– Сомневаюсь, – сказала я. А она хмыкнула. Мой ответ ее явно не удовлетворил

Бывший. Это подразумевает, что у меня кто-то был. Трудно поверить, но я всегда была одна. Никогда ни с кем не целовалась. Ни один мужчина не держал меня в своих нежных объятьях, не ласкал… Что такое «состоять в отношениях», мне неведомо.

От недостатка сна я стала тревожной. А чтение о том, как побороть страх, который тянет меня назад, подлило масла в огонь. Я даже последовала некоторым советам, и у меня появился план.

Я готова встретиться со страхом лицом к лицу.

Для начала я сделала список. Он оказался длинным, но мне удалось сгруппировать вместе несколько пунктов (как и советовали на сайтах, что я прочла). Теперь список моих страхов был не таким уж пугающим. Затем я переписала все пункты от наименее страшных к наиболее.

Боязнь чего мне побороть проще всего? Какая самая простая? Оказаться в гуще толпы в общественном месте.

А самый большой страх внизу списка: близость с мужчиной.

Этот страх кажется настолько далеким, невероятным и труднодостижимым, что я подозреваю: с ним мне лицом к

лицу никогда не встретиться.

Решив, что сейчас или никогда, я приступила к одолению самого простого пункта в моем списке. Отправляюсь туда, где страхов осталось так много, что никому о них даже и не расскажешь.

Когда я уже еду по автостраде с открытым окном и ветер теребит мои волосы, оставляя в них соленый привкус океана, меня внезапно накрывает чувство вины. Если бы мама и Бренна видели, что я собираюсь сделать, они бы обалдели. Просто обалдели. Когда я об этом думаю, кажется, я и сама близка к помешательству. Что, собственно, я буду делать, когда приеду?

Не уверена, что мне вообще это по плечу.

Время года не то, и погода другая. Но это неважно. Когда я съезжаю с шоссе на дорогу, ведущую к пляжу, сердце выпрыгивает из груди, а ладони становятся влажными. Я проезжаю мимо того места, где Уилл Монро сказал мне надеть на голову капюшон, и меня начинает трясти. Я останавливаюсь перед знаком «стоп», а в голове рисуется образ меня, стоящей на том углу. Машины проносятся мимо. Желтоватый свет их фар прорезает лиловые сумерки. Издалека слышен слабый гул американских горок. Приближается вагонетка, люди в ней визжат от восторга.

Я была уверена, что эту деталь дорисовало мое воображение. Что на самом деле я не слышала тогда этот гул и крики. Что все это в моей голове. Все выдумки.

Внезапно мне сигналят, и от неожиданности я бросаю тормоз и жму на газ. Навстречу мне вперед вырывается машина и проносится мимо, как метеор. Как раз в тот момент, когда нетерпеливый водитель сзади решает объехать меня по встречной. Отчаянные гудки, у меня перехватывает дыхание. Черт!

Поздно. Слишком поздно. Боже, я умру на перекрестке в паре километров от того места, где меня похитили. От того места, где меня спасли.

Что за ирония!

Рванув через перекресток, едва касаясь асфальта колесами (чего, конечно, не может быть, но так кажется), я поворачиваю голову влево и вижу, что раздраженный водитель показывает мне средний палец. Лицо его искажает крайняя ярость. Я извиняюсь одним только взглядом и развожу руками, но ему, конечно, плевать.

Уверена, он считает меня идиоткой. Хуже того, наверняка он бы меня сейчас удавил, если бы мог. Проехав перекресток, я прижимаюсь к обочине, глухо ударяясь колесами о бордюр. Ставлю машину на стояночный тормоз и закрываю лицо трясущимися руками. Некоторое время я громко и тяжело дышу в ладони.

Неужели я думала, что получится?

Я поспешила. Это все слишком быстро. Ехать в буквальном смысле на место преступления было безумной идеей. Я хочу стать здоровой. Хочу, чтобы все со мной было в поряд-

ке. Хочу быть сильной, беззаботной и уверенной в том, что могу делать все, что пожелаю. Не стоит так сильно переживать, вот в чем дело. Мне ведь нечего бояться.

Но штука в том, что я как раз не такая: не сильная, не беззаботная, не уверенная. Я была такой прежде. Но потерянную невинность назад уже не вернешь. В этом все дело. Мне слишком рано пришлось вступить во взрослую жизнь, в возрасте всего двенадцати лет. И тот, кто сделал это со мной, всегда будет жить в моих мыслях.

Меня охватывает гнев. И я ему не сопротивляюсь. Я зла, очень собой не довольна. Мне надо пройти через все это. Жить нормальной жизнью. Искать друзей. Встречаться с парнями. Бренна много раз порывалась все устроить. У ее бойфренда много одиноких друзей, которых она одобрила. Хорошие парни. Обычные.

Но что-то все время держит меня. Как будто я жду… чего-то.

Или кого-то.

Я отнимаю руки от лица и делаю глубокий вдох. Заглянув в зеркало заднего вида, вижу, что прямо за мной припарковалась машина. Без опознавательных знаков. Может быть «Хонда», может, «Тойота»… За рулем сидит мужчина и смотрит вниз. На нем солнцезащитные очки, так что я не вижу и половины его лица.

Внезапное осознание ознобом пробегает по коже. Он что меня преследует? Мужчина по-прежнему смотрит вниз, на

лоб упали темные волосы, широкие плечи в белой футболке. Он выглядит довольно молодым и симпатичным. Но внешность обманчива. Уж я-то знаю.

Я это пережила. И выжила, несмотря ни на что.

Моргаю и напряженно на него смотрю. То есть просто-напросто пялюсь в зеркало заднего вида, потеряв дар речи. Пульс учащается. Мимо проносятся машины. Все они куда-то спешат, но только не та, что за мной. Он выжидает. Я тоже, сбитая с толку.

Тихо, аккуратно, как будто он наблюдает за каждым моим движением, как будто он и вправду сидит рядом со мной, я нажимаю на газ, включаю левый поворот и выезжаю на дорогу.

Он за мной не едет.

Итан

Сейчас

Я чуть не попался.

Теперь я за семь машин от нее и немного нервничаю. Узкая двухполосная дорога традиционно забита, хотя жаркий сезон вроде бы давно позади. Летом вся улица стоит в пробке, но сейчас все не так плачевно.

Что расстраивает меня гораздо больше, так это то, что она чуть не вычислила меня, когда я за ней припарковался. По-

сле этого я дал ей уйти. Мне пришлось. Если бы я свернул в поток машин вслед за ней, это было бы как выбросить большой красный транспарант:

Опасность. Тревога. Вас преследует незнакомец. Звоните 911.

Я не мог так рисковать.

В любом случае что, черт возьми, она делает здесь? Похоже, она откровенно спятила и возвращается в парк аттракционов. Я чувствую это всем своим существом. Слышу, как она твердит это у меня в ушах, но переспорить ее не могу.

Неужели она пойдет в сам парк? Может, она хочет попасть на пляж? Но вокруг полно других пляжей. В противоположной стороне есть много хороших, но она меня не слушает.

Я привстаю на водительском кресле и вытягиваю шею, пытаясь увидеть, куда она собирается свернуть. На светофоре красный. Перед ней еще две машины. Сигнал сменяется быстро, но время еще есть. Я очень надеюсь, что она повернет налево. Налево – значит домой. Налево – значит она не собирается здесь останавливаться, не собирается выходить и идти в парк.

Зеленый свет.

Она поворачивает направо, за второй машиной.

Вот черт.

На десятой машине снова зажигается желтый. Еще три поворачивают направо после красного света. Теперь передо мной две машины. И ждать надо примерно минуты три, но

сейчас они для меня как три часа.

Я упустил ее. Она припаркуется и зайдет прямо в этот дурацкий парк аттракционов и смешается с толпой. Нет, так не пойдет. Я должен найти ее. Что если с ней что-нибудь случится? Она редко куда-то выбирается. Кэти упоминала в интервью, что немного затворница. Она учится экстерном онлайн (технологии – великая вещь). У нее мало друзей. Ей может стать плохо в большой толпе.

Сегодня пятница. Чудесный осенний день. Погода просто великолепна. Но еще рано, и в парке будет немноголюдно.

Это неважно. Я все равно могу ее не найти.

Наконец-то зеленый, я нетерпеливо жму на газ, бью по клаксону из-за того, что водитель впереди, собиравшийся поехать налево, внезапно выворачивает направо. Он бурно жестикулирует в зеркале заднего вида, а я одариваю его улыбкой, больше похожей на оскал.

Я в ярости. Адреналин пульсирует в венах, стучит в висках. Не могу терпеть. Теперь я способен на все. В поисках ее скольжу взглядом по машинам, припаркованным у обочины. Сегодня утром я пошел на поводу у своих желаний и припарковался слишком близко от ее дома. Мне нужно было выследить ее, убедиться, что она в безопасности. Я поддался этому чувству, хотя понимал, что это ошибка. Мне не стоит ее преследовать. Я ничем не лучше отца: пытаюсь ее контролировать, как какой-то извращенец.

Но моя цель другая: хочу быть уверенным, что с ней все

в порядке. Только и всего. Она завладела моими мыслями. Все время вижу перед глазами ее лицо. Воспоминания мешаются с жизнью, и вот она уже превратилась во взрослую Кэти. Кэтрин. Она идет ко мне, широко улыбаясь, с сияющими глазами и произносит лишь мне предназначенные слова:

Ты нашел меня. Я так и знала, что ты найдешь меня.

Она хочет, чтобы именно я ее нашел. Эти сны повторяются снова и снова. Она никому не верит, никого не хочет, кроме…

Меня.

Я просыпаюсь с эрекцией. Только ее образ способен разжечь мое воображение. Прелестные светлые волосы, великолепные губы, красивая гладкая кожа, к которой так хочется прикоснуться. Она шепчет мне в ухо, прикосновение губ, я схожу с ума от желания.

Ты нашел меня.

Всю эту неделю я думаю только о ней. От ее имени у меня закипает кровь и плавится мозг. Я не могу сосредоточиться, черт возьми, не могу делать самые обычные вещи. Поэтому отыскал ее и иду по следу.

И вот-вот потеряю. *Черт*. От раздражения бью кулаком по рулю, боль пронзает руку, но ее недостаточно, чтобы справиться с гневом.

Я так зол на себя. Взбешен.

Я не должен был потерять ее. Однажды я уже ушел и всю свою жизнь в этом раскаивался. Помню, как был благодарен,

вернув ее доверие к себе. Она была так подозрительна тогда, боялась каждого моего движения. У нее была на то причина.

Я его сын. И неважно, что у меня теперь другая фамилия, что я придумал себе семью и выгляжу по-другому. Это неважно, раз его бешеная кровь все равно пульсирует в моих венах и выдает меня, заставляя преследовать.

Я качаю головой и гоню от себя эту мысль. Я никого не преследую. Ничего подобного я не испытывал ни к одной женщине. Их было у меня несколько. С одной даже были почти долгосрочные отношения. Но это оказалось мне не под силу. Она была такой громкой, такой властной и требовательной, всегда ждала от меня больше, чем я вообще мог ей дать.

Когда мы расстались, она устроила невероятную сцену. Ее злость, как живое дышащее существо, стояла между нами. Скрестив руки на груди, выставив бедро и постукивая по полу ножкой, она отчитывала меня как двоечника. Как будто я не выучил урок, и любой мой ответ был заведомо неверным.

После этой последней встречи я больше ту девушку не видел. Желание искать не возникало вообще. Это было совсем не похоже на то, что я чувствую к *ней*.

Влечение. Одержимость. И то, и то плохо. Два гнусных отвратительных чувства, которые ведут только к боли ни в чем не повинной девушки.

Кэти.

Закопавшись в своих мыслях, я проезжаю мимо нее на

большой скорости, успевая заметить лишь ее светящиеся волосы. Бью по тормозам. Молниеносно въезжаю на небольшую стоянку у ресторана морепродуктов, встаю на одно из множества пустых парковочных мест и выключаю двигатель своей «Хонды». Большой красный знак прямо передо мной гласит «Стоянка запрещена». На соседнем знаке написано «Только для посетителей ресторана, нарушители подлежат эвакуации».

Либо я получу штраф, либо машину эвакуируют. Но все это мне совершенно неважно. Я должен идти за ней, поэтому вылезаю из машины, быстро пересекаю стоянку, впопыхах нажимая кнопку сигнализации на брелоке. Я почти бегу вниз по улице. Вижу ее впереди себя. Обтянутые джинсами бедра слегка покачиваются, длинные золотистые волосы собраны в хвост на макушке, выпавшие пряди вьются вокруг шеи и слегка взлетают при каждом шаге.

Она идет медленно, поворачивая голову то вправо, то влево, как будто хочет прочувствовать все: каждый звук, каждый запах, каждый вкус. Теплое солнце освещает нас яркими лучами, переливается в ее волосах чистым золотом, и мои пальцы сами непроизвольно тянутся к ним.

Непреодолимое желание дотронуться.

Кэти приостанавливается, и я вслед за ней замедляю шаг перед гигантским треком американских горок, возвышающихся над нами. Вход в парк аттракционов буквально в метре от нас. Внутри пока еще мало людей. Вокруг низкая огра-

да. На самом деле она не ограждает, а просто ограничивает территорию аттракциона. Помню, как я смотрел на нее ребенком. Как замирало сердце при мысли о том волшебстве, которое ждет внутри.

Думаю, у Кэти тоже замирало. Когда-то очень давно. Пока мой придурок отец все не погубил.

Я делаю вид, что смотрю на восток, но под прикрытием очков держу ее в поле зрения. Она не замечает меня, увлеченно рассматривая громадный трек. Она стоит неподвижно, напряженно застыв в ожидании чего-то важного, что должно произойти.

И оно происходит.

Металл скрежещет, вагонетка с ревом проносится над нашими головами, горстка людей внутри нее визжит то ли от страха, то ли от радости, то ли от всего сразу. Волосы пассажиров развеваются на ветру, несколько пар рук взмывают вверх. Через секунду она уезжает из виду, ветер уносит крики, и только рельсы продолжают вздрагивать и скрежетать, как будто призрачные вагонетки все еще едут по ним. Кэти задирает голову, так что собранные в хвост волосы достают до середины спины, и стоит неподвижно. Я шагаю к ней, не в силах превозмочь внутренний импульс. Мне надо быть ближе. Так близко, чтобы можно было дотронуться. Почувствовать ее запах…

Она поворачивается, и я замираю, у меня перехватывает дыхание. Но она меня не замечает, подходит к ограде парка

и прислоняется к его бетонному бортику.

Не заходи. Ты рискуешь собой. Ты еще не готова. Почему ты вообще здесь? Почему одна?

Эти мысли проносятся в моей голове, пока я жду, что она сделает дальше. Я бы подошел к ней, если бы смог. Сказал бы ей, что не нужно заходить внутрь, и не колебался бы ни секунды. Взял бы ее под руку и увел из этого места.

Внезапно она открывает сумочку, достает телефон и прикладывает к уху. Ветер приносит ее «алло», и на секунду я закрываю глаза.

Звук ее голоса пронзает меня насквозь, и я представляю себе, что она разговаривает со мной.

Я твержу себе, что подслушивать нехорошо. Это вторжение в частную жизнь. Насилие. А Кэти неоднократно испытала насилие на себе. Слишком часто. И все из-за моего отца. Его насилие кончилось, когда я забрал ее из того сарая. Но то, что он сделал, все равно тянется за ней следом.

Воспоминания могут притупляться, но они не уходят.

Но я и так уже вторгся в ее жизнь. Следовал за ней. Все ради ее защиты. В конце концов это мой долг. Давным-давно она дала мне такое задание: быть ее защитником, ангелом-хранителем. Она сама так сказала, и я пообещал.

Не могу нарушить данное слово.

– Ты меня прибьешь, если я скажу тебе, где я. – До меня доносятся обрывки фразы. Интересно, с кем она говорит. У нее нет мужчины. Теперь, изучив ее жизнь от и до, я точно

это знаю. Хотя все равно ей сразу поверил, когда она сказала об этом на телешоу.

Может быть, звонит ее мама или сестра, или близкий друг. Любой бы был потрясен, узнав, где она. Ни за что бы не поверил, хотя я здесь, рядом с ней. Если будет нужда, я спасу ее. Если понадобится, вмешаюсь.

– Я должна это сделать, Бренна. – Ага, значит, звонит сестра. Пауза, и я делаю маленький шаг в ее сторону, чтобы услышать больше. Мне нужно услышать больше.

– Бренна, подожди. Не перебивай меня. Я знаю, что делаю. Ведь когда-нибудь мне придется столкнуться со страхом.

Снова пауза. Она напрягается, выпрямляет спину. Ей явно не нравится то, что она сейчас слышит.

– Что ты сделала? Мама следит за мной по моему телефону! Ты это серьезно? О боже, сколько по-вашему мне лет? Вы двое не можете вечно меня оберегать.

Она поворачивается, и я тоже резко разворачиваюсь, чтобы она не увидела меня, и иду в противоположном направлении: руки в карманах, медленно отмеряю шаги, как человек, которому некуда спешить. Меня овевает бриз, несущий с океана резкий запах соли и чего-то странного, будто гнили. Он топорщит мне волосы, свистит в ушах, и я сжимаю кулаки. Сейчас мне очень хочется посмотреть назад, но нельзя. Меня разрывает, но я не имею право дать ей повод для подозрений.

Черт возьми, это просто меня убивает. Но я продолжаю

идти вальяжной походкой, замедляю шаг, пока наконец не оборачиваюсь.

Но ее уже нет.

Кэти

Тогда

Не стоило мне так жадно пить за обедом воду. Теперь хотелось в туалет, но нельзя было бросить очередь на американские горки. Мы стояли в ней уже полчаса, она двигалась черепашьим шагом. Но Сара этого не замечала. Практически все время она флиртовала с ребятами позади нас.

Когда рядом появлялись существа мужского пола, она будто превращалась в другого человека. Это было неприятно. Я и без того чувствовала себя неловко, стоя среди старших парней. А эти ребята выглядели явно старше нас. Я бы дала им всем лет по шестнадцать, кроме одного, который казался на год младше.

Мы с Сарой перешли в восьмой класс. По сравнению с ними мы были просто малявками, но Сару это не беспокоило. Ей нравилось упражняться в искусстве флирта, неважно на ком.

Из-за того, что я не кокетничала вместе с ней, Сара на меня злилась. Она полностью развернулась к мальчикам, постоянно откидывала волосы за спину и смеялась над каждой

их глупостью. А они болтали много всякой ерунды, громогласно смеялись, так что на нас все время оглядывались люди из очереди. Ребята, видимо, казались сами себе уморительными. А я то и дело закатывала глаза. Их тупые шутки действовали мне на нервы.

Стояла, переминалась с ноги на ногу, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о туалете, но все было напрасно. Казалось, мой мочевой пузырь лопнет, если я немедленно не пописаю. А поскольку такое унижение в мои планы не входило, я решила, что нужно немедленно идти в туалет, поэтому тронула Сару за плечо, и та повернулась, с фальшивой улыбчивой гримасой на лице. От нее исходила такая волна раздражения, что я тут же убрала руку.

– Мне надо в туалет, – прошептала я, приблизившись так, чтобы слышала только она.

Сара скривилась, как будто сама мысль о туалете вызывала у нее отвращение. Хотя сама она не далее как после обеда жаловалась на ту же проблему. Похоже, теперь рядом с мальчиками у нее исчезли все физические потребности?

– Очередь еще длинная, – успокоила она меня, указав на людей перед нами. – Не думаю, что мы далеко продвинемся, прежде чем ты вернешься из туалета.

Спасибо. Всем надо объявить, почему нет.

– Но родители запретили нам разделяться, – напомнила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.